

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Прикладные аспекты философского знания
для сотрудников органов внутренних дел
Российской Федерации

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2019

УДК 101.8(075.8)
ББК 87.25я73
П 75

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

П 75 Прикладные аспекты философского знания для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / Е. А. Матвиенко, А. Л. Стризов, Р. А. Кобылкин, А. Н. Гулевский ; под редакцией Е. А. Матвиенко. – Волгоград : ВА МВД России, 2019. – 92 с.

ISBN 978-5-7899-1183-9

В учебном пособии рассматривается так называемый прикладной аспект философского знания. Особое место занимают главы, посвященные проблемам философии науки и философии права, имеющим большое значение в подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Авторы акцентируют внимание на влиянии ценностей, культуры и этики на процесс воспитания сотрудников органов внутренних дел как со стороны их внутреннего совершенствования, так и с позиции профилактики и борьбы с преступностью.

Издание адресовано курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России.

УДК 101.8(075.8)
ББК 87.25я73

Авторы:

- А. Л. Стризов (гл. 1);
- Е. Н. Матвиенко (гл. 2 в соавторстве, гл. 3);
- Р. А. Кобылкин (гл. 2 в соавторстве);
- А. Н. Гулевский (гл. 4).

Рецензенты: начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова доктор философских наук, доцент *Е. В. Сальников*; начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России, доктор философских наук, доцент *И. А. Треушников*.

ISBN 978-5-7899-1183-9

© Матвиенко Е. А., Стризов А. Л.,
Кобылкин Р. А., Гулевский А. Н., 2019
© Волгоградская академия МВД России, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Философия и методология науки	4
1.1. Наука как форма общественного сознания	4
1.2. Наука как процесс производства нового знания	9
1.3. Наука как социальный институт	22
Глава 2. Философские проблемы права и правоохранительной деятельности	30
2.1. Естественно-правовая философия	30
2.2. Юридический позитивизм	32
2.3. Марксистская философия права	37
2.4. Социологический подход к праву	39
2.5. Развитие философии права в XX–XXI вв.	40
Глава 3. Государство и гражданское общество	49
3.1. Государство как объект философского осмысления	49
3.2. Понятие и структура гражданского общества. Особенности становления и развития гражданского общества в России	54
3.3. Гражданское общество: границы свободы	59
Глава 4. Философия техники	68
4.1. Формирование философии техники. Происхождение техники и ее роль в антропосоциогенезе	68
4.2. Основные идеи инженерной философии техники (Э. Капп, П. К. Энгельмейер, Ф. Дессауэр)	71
4.3. Технократизм как философская концепция и идеология развития общества. Гуманитарная философия техники (Л. Мэмфорд, М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет)	74
4.4. Основные этапы развития техники	81
4.5. Человек и техника в аксиологическом аспекте	84

ГЛАВА 1. ■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Философия науки представляет собой **отрасль философского знания, которая изучает природу, строение, функции и развитие науки**. Она возникла во второй половине XIX в., приобрела самостоятельность в XX в. и стала интеллектуальным ответом на стремительное развитие науки и ее растущее влияние на жизнь общества.

В современной философии наука рассматривается с разных позиций: во-первых, **как часть общественного сознания, система определенных знаний** об окружающем мире, обществе и человеке; во-вторых, **наука представляет собой особый процесс познавательной деятельности**, начинающийся с изучения, описания и критического анализа фактов, постановки научных проблем, включающий в себя поиск путей их решения, получение нового, еще не известного людям знания и завершающийся построением научных теорий, на основе которых создаются новые технологии производства и практической деятельности; в-третьих, **в современном обществе наука является социальным институтом**, т. е. формой организации совместной деятельности людей, своеобразной «социальной машиной», цель которой – непрерывное производство нового знания по самым разнообразным вопросам, интересующим человечество.

1.1. ■ Наука как форма общественного сознания

Как особая форма общественного сознания наука исходит из того, что объективный, т. е. существующий независимо от нас, **природный и социальный мир познается с помощью человеческого разума и может быть описан и объяснен посредством законов и теорий**. Наука считает, что в таком познании проявляется способность человека к самостоятельному выбору жизненных целей, их творческому достижению на основе моральных ценностей и разумных решений. Конечная цель научного знания заключается в рациональной организации отношений общества и природы, разумном устройстве самого общества и управлении им, улучшении жизни человека. Современная наука представляет собой систему различных отраслей фундаментального (теоретического) и прикладного знания, которая все глубже проникает в разные сферы деятельности человека и общества, изменяя их и всю окружающую среду.

Как отдельная, самостоятельная форма общественного сознания наука окончательно сформировалась в XVII–XVIII вв., хотя предпосылки для этого были созданы давно. Преднаука выделились из повседневного, обыденного знания уже в древнем мире. На ранних этапах истории оно сыграло огромную роль в развитии человечества: повседневный опыт позволил вычленивать из природы и использовать множество культурных растений, одомашнить диких животных, найти средства лечения болезней, создать технологии изготовления орудий труда и предметов быта, строительства жилищ и транспортных средств. Принципиальное отличие науки от стихийно развивающегося обыденного знания, представленного в повседневном опыте и здравом смысле, состоит в том, что **она позволяет человеку и человечеству не только приспособиться к окружающему миру, но и, познав сущность явлений и процессов, изменять и преобразовывать их.** Наука стремится систематически организовывать все имеющееся знание, накапливать и совершенствовать его. Метод проб и ошибок, лежащий в основе повседневного опыта, заменяется осознанным подходом ученых к выбору путей и способов исследования, критическим анализом их использования и созданием эффективных научных методов, дающих более точные истины.

Среди форм знания, представленных в общественном сознании (философского, художественного, политико-идеологического), **научное знание характеризуется рядом особенностей.** Рассмотрим важнейшие из них.

1. **Рациональность:** все содержащиеся в научном знании положения и выводы получены исключительно с помощью человеческого разума. В нем не может быть ничего сверхъестественного, принципиально недоступного человеческому пониманию. Интуиция, эмоции, вера всегда дополняют в науке аргументы разума, рациональные построения, схемы и модели. Особенно важно учитывать это обстоятельство в социально-гуманитарных, в том числе в юридических, науках. Изучение поведения и сознания людей неизбежно ограничивает возможности применения формально-логического мышления, повышает роль психологических и культурных факторов, однако не устраняет рациональной основы социально-гуманитарного знания.

2. **Объективность, общезначимость:** идеал научного исследования заключается в достижении объективной истины. Объективность, с одной стороны, предполагает практическую (многократную, мас-

свидную) подтверждаемость, что позволяет говорить о признании истины всем научным сообществом. Одним из проявлений объективности научных истин является их воспроизводимость и проверяемость любым другим исследователем. Объективность научного знания доказывается в итоге его технологичностью и практической применимостью. В юридических науках практическая применимость нормы или теоретической конструкции часто оказывается решающим фактором признания ее истинности. С другой стороны, объективность требует от исследователя в максимально возможной мере (в естественно-технических и социально-гуманитарных науках она различна) освобождения от личных симпатий, антипатий, убеждений и предрассудков.

3. **Логическая взаимосвязь, системность:** различные элементы научного знания существуют не изолированно и не применяются произвольно. Они образуют единое упорядоченное целое. Таким целым являются не только отдельные теории или отрасли научного знания, но и вся наука, в которой возможны междисциплинарные связи и исследования. Сегодня они приобретают все большее значение. Среди юридических наук криминалистика по своему содержанию и используемым методам тесно связана с естественными и техническими науками, а криминология – с социально-гуманитарными.

4. **Логическая точность и однозначность:** подробная и детальная фиксация фактов, а также количественных значений измеряемых параметров является необходимым условием получения истинного знания. Четкое определение терминов делает понимание научных фактов и теоретических положений в максимально возможной мере однозначным, исключает смысловую неопределенность. Известны строгие требования к точности языка юридических документов и научных текстов, анализирующих их.

5. **Обоснованность и доказательность:** большинство научных положений и выводов, как показала современная философия науки, не являются абсолютными истинами, поскольку они подтверждаются лишь при определенных условиях, в определенных границах времени и пространства. Такое фактическое или логическое подтверждение (верификация) позволяет считать эти положения и выводы относительными истинами, успешно применять их в теоретическом мышлении и на практике. Относительность истин науки обнаруживается не только в процессе их верификации, но и в возможности их фальсификации (опровержения). Все сказанное легко обнаружить в мышле-

нии юристов-практиков, расследующих преступления. Оно в самом широком смысле применимо и к процессу научного исследования отдельных правовых ситуаций и видов правоотношений.

Как форма общественного сознания научное знание взаимодействует с иными формами, в частности, с искусством. Особенности научного знания будут лучше поняты, если их сравнить с особенностями художественного знания и присущими ему способами познания. Если научное познание построено на понятиях, создаваемых силой абстрактного мышления, то художественное познание использует создаваемые силой творческого воображения чувственные образы. Абстрактные, общечеловеческие идеи, смыслы и символы выражаются через конкретные, единичные, уникальные образы живописи, литературы, хореографии, кинематографа, в то время как в науке отдельные ситуации, единичные факты находят выражение через общие законы, язык абстрактных понятий. Идеалы и ценности искусства, художественные стили исторически конкретны, уникальны и изменчивы в отличие от всеобщности и нормативности форм науки. Следует обратить внимание на различие в языке выражения отношения науки и искусства к миру. Наука оперирует строгим, однозначно понимаемым языком, апеллирует к доказательности и объективности. Искусство – знаковыми и символическими средствами, подразумевающими многообразие оттенков субъективного восприятия и переживания мира. Отражая объективный мир, научное познание стремится к объективной истине, достоверности и проверяемости знания. Художественное познание ориентировано на передачу неповторимого субъективного отношения человека к миру, использует для этого эстетические и нравственные ценности и идеалы, воспроизводит реальность на уровне не истины или документальной точности, а правды жизни, правдоподобного стечения обстоятельств. В этом, в частности, причина несовпадения реальной истории преступлений и их научно организованного расследования, выраженных в материалах уголовных дел и сюжетах детективов, написанных на их основе. В лучшем случае читатели и художественные критики могут говорить о прототипах литературных героев.

Проведенное нами сравнение научного и художественного познания выявляет еще одну специфическую черту науки как формы общественного сознания. **Являясь важнейшей частью духовной жизни общества и его культуры, наука обладает особой незави-**

симостью от других форм духовной жизни и деятельности людей. Ученые избегают вмешательства в науку политиков и бизнесменов, людей искусства и технократов, предпочитают решать проблемы науки исключительно внутри научного сообщества, подчеркивают роль его традиций и норм общения, самоуправления научных организаций. Открытость научного сообщества сочетается с особыми требованиями, предъявляемыми к тем, кто претендует на вступление в него. Это связано не только с нацеленностью науки на познание глубинных основ, сущности изучаемых объектов и на их последующее преобразование, но и с особой сложностью самого процесса научного познания.

Как форма общественного сознания и специфическая система знаний **наука выполняет в обществе определенные функции.** Важнейшая из них связана с **производством новых знаний** об окружающем мире. В непрерывности и расширении такого производства состоит залог успешного развития общества, его способности адекватно отвечать на современные вызовы. В условиях развертывания научно-технической революции наука в большей мере выполняет **инновационную функцию**, превращается в непосредственную производительную силу, дает обществу не отдельные научные открытия и связанные с ними изобретения, а системы технологий, внедрение которых ориентировано на потребности рынка и получение коммерческой прибыли. Сегодня наука определяет тенденции и перспективы развития производства и общества, в чем находят воплощение ее **эвристическая и прогностическая функции.** Глобальные проблемы человечества углубили кризис современной культуры и обратили внимание на особую роль и статус человека как субъекта познавательной и практической деятельности. Воспроизводство человека познающего и действующего, не утратившего нравственные идеалы и ценностные ориентиры, связано с реализацией наукой ее **культурно-технологической функции.** **Роль науки в производстве и регуляции общественных отношений** выражается в научной экспертизе и обосновании управленческих решений, формировании у человека новых потребностей, воздействии на систему образования и воспитания. Наконец, создавая и предлагая человечеству современную картину мира, определяя в ней место человека, наука выступает как идеологическая сила, вносит свой вклад в **формирование мировоззрения общества.**

1.2. ■ Наука как процесс производства нового знания

Второй важнейший аспект исследования науки – **содержание и основные этапы процесса научного познания**. В структуре научного знания обычно выделяют эмпирический (опытный) и теоретический уровни, которые различаются методами познания и характером полученного знания. К основным методам эмпирического уровня относятся наблюдение и эксперимент. На теоретическом уровне, как правило, применяются общелогические методы, используемые не только в научном, но и в других видах познания, а также специальные методы. Основным видом знания, получаемого на эмпирическом уровне научного исследования, является факт и экспериментальный закон. К знанию теоретического уровня, прежде всего, относится теория. В реальном научном исследовании использование эмпирических и теоретических методов познания и их результатов не разделено на принципиально различные этапы: они переплетаются и взаимно дополняют друг друга.

Методы и результаты эмпирического познания

Научный метод (от греч. *methodos* – путь к чему-либо, прослеживание, исследование) – способ достижения поставленной в науке цели, совокупность приемов и операций, с помощью которых решаются поставленные научные задачи. Обоснованный метод исследования выступает необходимым условием получения достоверного результата и средством социального контроля в рамках научного сообщества. Общая философская теория выбора и обоснования методов научного исследования получила название методологии.

Любое эмпирическое познание начинается с **наблюдения**. В быденном и научном познании оно используется широко: начиная с установления достоверных фактов и заканчивая систематизацией опытных данных. В отличие от быденных наблюдений научные имеют систематический, упорядоченный и целенаправленный характер. Наблюдение строится на использовании форм чувственного познания. Однако в современном естествознании данные органов чувств, как правило, дополняются показаниями приборов. В социально-гуманитарных науках наблюдение имеет некоторые особенности. В них оно часто связано с восприятием эмоционально-чувственных состояний самого субъекта. Такое наблюдение назы-

вается интроспекцией. При изучении социальных явлений нередко используют включенное наблюдение, когда наблюдатель находится внутри изучаемой группы или организации, среди действующих людей и незаметно для них изучает их сознание и поведение.

Чаще всего мы вынуждены ограничиваться наблюдениями и исследовать интересующие нас объекты, явления и процессы в естественных условиях существования, в связи с тем что они недоступны для практического воздействия. Значительное отличие наблюдения от эксперимента заключается в том, что **оно осуществляется без изменения изучаемых явлений и вмешательства наблюдателя в этот процесс**. Эксперимент же требует обратного. Во-первых, исследуемые явления могут быть изолированы от внешних факторов; во-вторых, могут быть изменены определенные условия, в которых данные явления происходят. При этом результаты точно фиксируются и контролируются.

В любом эксперименте выделяют следующие этапы:

1) определение цели, как правило, ориентированной на проверку научного предположения (гипотезы). При постановке цели указывают, какие следствия из гипотезы необходимо проверить и в какой форме (качественной или количественной) эти следствия представляют;

2) контроль над проведением, чтобы никакие факторы, способные изменить результат эксперимента, на него не влияли;

3) интерпретация полученного результата и статистическая обработка данных измерения исследуемых величин.

Важное место в эксперименте занимает планирование, поскольку план проведения каждого эксперимента имеет свои особенности. Общей для всех наук схемы проведения эксперимента нет: главное состоит в том, чтобы он был вписан в общую стратегию научного исследования и полученные в его ходе результаты дополняли те, что получены иными, в том числе теоретическими, методами. Идея эксперимента, план его проведения и интерпретация результатов в гораздо большей степени зависят от теории, чем поиск и интерпретация данных наблюдения.

В настоящее время экспериментальный метод применяется не только в точных науках, таких как механика, физика, химия, астрономия, но и в науках, использующих синтез методов из разных областей знания: генетике, биофизике, физиологии, психологии, экономике. Вместе с тем очевидно, что при изучении человека и общества воз-

возможности использования эксперимента ограничены в силу морально-психологических и организационных трудностей. М. М. Бахтин высказал мысль о том, что **особым образом организованный познавательный диалог может в известной мере заменить эксперимент**. Изменяя формулировки вопросов диалога и располагая их в определенной последовательности, мы тем самым моделируем различные условия и ситуации, в которые мысленно помещаем изучаемого нами собеседника. Практика проведения опросов или интервью экспертов в социологических, психологических, юридических и иных научных исследованиях подтверждает справедливость мнения М. М. Бахтина.

В ходе эмпирического познания осуществляется сбор и первичное обобщение фактов, описание, систематизация и классификация наблюдаемых и экспериментальных данных. Символическими выражениями научных фактов являются графики, диаграммы, таблицы, описания, классификации. В научном познании факты играют важную роль: их совокупность образует эмпирическую основу для выдвижения научных предположений (гипотез) и построения теорий.

Научный факт, являясь главным результатом использования эмпирических методов познания, тем не менее не имеет однозначного определения. **Фактом, как правило, называют фрагмент объективной действительности, который наука делает предметом своего изучения, описывая (моделируя) его своими специфическими средствами**. При более строгом подходе фактом считают либо достоверное знание, либо выраженное в языке описание эмпирических данных. Особой проблемой является разработка понятия факта применительно к социально-гуманитарным наукам, поскольку они изучают в основном продукты практической и духовной деятельности человека. В них получила распространение системная трехуровневая модель факта, разграничивающая реальное событие прошлого и настоящего; информацию о нем в источниках различных типов (документах, памятниках культуры, материальных объектах); истолкование содержания этих источников в научной литературе.

Эмпирическое исследование в реальном процессе познания обязательно предшествует теоретическому. Большинство исследований не начинается с простого накопления фактических данных, а предполагает некоторую теоретическую позицию. Взаимосвязь и взаимодействие научных наблюдений с теоретическими представлениями дает

возможность не только целенаправленно искать новые факты, но и правильно истолковывать уже известные, а значит, отделять существенные факты от несущественных.

В каждой области научного познания можно найти такие факты, которые неизменны (инвариантны) по отношению к любому объяснению. Интерпретации фактов могут быть истинными или ошибочными, но сами факты остаются фактами. **Инвариантность научного факта свидетельствует о его достоверности.** При оценке значимости фактов и их достоверности важно учитывать, что, во-первых, они рассматриваются в связи с общей теорией вопроса, поэтому сознательно отбираются; во-вторых, анализируются во взаимосвязи и развитии, следовательно, любая теория подтверждается или опровергается в итоге подвижной и изменяющейся системой фактов.

Представление о фактах как об абсолютно не зависимых от теории опытных данных подвергается критике большинством философов и ученых, считающих, что наука никогда не имеет дела с «чистыми» фактами. **Информация, собранная в ходе наблюдений и экспериментов, не может быть прямо введена в корпус научного знания. Она нуждается в истолковании, интерпретации, которые всегда исходят из определенных теоретических представлений. В этом смысле любой факт теоретически нагружен: он имеет (приобретает) смысл только в рамках определенной теории.**

Факты науки всегда несут в себе некоторое теоретическое знание, отсюда нужно обратиться к такой процедуре интерпретации фактов, как **объяснение**. Оно является универсальной операцией человеческого мышления (его рациональной процедурой), используемой и в повседневной практике, и в научном познании. В обыденной жизни человек часто объясняет что-то непонятное через знакомое. Уже в древности была известна **модель объяснения состояния предмета или его положения посредством указания на причину, действие которой вызвало это состояние или положение.** По такому же образцу построена, например, хорошо известная каждому студенту объяснительная записка. Можно сказать, что объяснение – это рассуждение, исходное знание которого содержит информацию, откуда можно вывести знания о существовании или свойствах интересующего нас явления, события, факта.

В научном познании объяснение опирается на теоретические законы. **Если мы пытаемся что-то объяснить, то подводим все содержание нашего рассуждения (описание факта или случая) под уже**

известный и сформулированный закон. Такая модель объяснения называется дедуктивной, поскольку в ней мысль движется от общей посылки к частной. Здесь можно выделить три основных структурных элемента: описание закона (объясняющая посылка), описание конкретного случая или факта (объясняемая посылка), логический вывод о связи двух посылок, факта и закона. В отличие от причинной в дедуктивной модели в качестве объясняющих посылок используются не только причинные, но и любые другие законы: функциональные, структурные, эмпирические, теоретические, частные, общие. Функциональное объяснение применяется тогда, когда приходится выяснить роль и функцию какого-либо элемента в целостной системе (например, нормы в нормативно-правовом акте). Нормативное объяснение – для выявления значения и роли норм, оказывающих существенное влияние на поведение людей в обществе.

Особые трудности возникают, если наряду с действием объективных причин приходится объяснять мотивированные разумом действия людей. Для этого Аристотелем было введено понятие «целевой причины» и предложен **вариант телеологического (целесообразного) объяснения, который объяснял действие (поступок) сознательным стремлением к цели.** Такое объяснение противопоставлялось каузальному или причинному. Однако, поскольку далеко не всегда люди руководствуются ясно осознанными целями, предпочитают чувственные образы, неоднозначные идеалы и смутные представления, человеческие поступки стали истолковываться с помощью интенционального (устремленного, направленного) объяснения, указывающего не на осмысленную цель, а на общую направленность действий участников события как на причину того или иного его содержания и результата. В обществе, когда поступки людей часто невозможно объяснить исключительно действием объективных социальных законов, используют в дополнение к ним рациональные и интенциональные объяснения, исходящие из свободы выбора субъектом варианта поведения в той или иной ситуации. **Принято считать, что одной из особенностей социально-гуманитарных наук является «двойное» объяснение, когда сначала мы указываем на действие объективной причины, а затем соотносим с ней цели и иные мотивы, движущие людьми.**

Подлинное значение объяснения как варианта истолкования (интерпретации) наблюдаемых фактов в терминах той или иной теории раскрывается тогда, когда факты начинают применяться

в качестве аргументов для подтверждения или опровержения научных предположений (гипотез). Интерпретация фактических результатов эксперимента может быть различной. Она может проводиться в терминах уже известных теорий. Это происходит в тех случаях, когда ученые могут сформулировать логические следствия из существующих теорий, которые предстоит проверить в эксперименте. Но объяснять результаты эксперимента приходится и в ситуации, когда нет готовой теории или гипотезы, а эксперимент может противоречить существующим теоретическим представлениям. Здесь перед исследователями возникает **научная проблема – познавательное затруднение, способ преодоления которого научному сообществу неизвестен и должен быть найден посредством создания новой теоретической модели.**

Методы теоретического познания

Обратимся теперь к характеристике теоретического уровня научного познания и используемых в нем методов. Само выделение этого уровня становится возможным лишь благодаря способности человека к абстрактному мышлению, результаты которого воплощаются в научных теориях. Как уже было сказано, **среди методов теоретического познания выделяются общелогические, присущие человеческому познанию в целом и применяемые как в обыденном, так и в теоретическом познании, а также специальные методы построения научных теорий.**

К общелогическим относятся абстрагирование, обобщение, аналогия, анализ и синтез, индукция, дедукция и моделирование. **Абстрагирование** представляет собой прием мышления, который заключается в отвлечении от некоторых свойств изучаемого объекта при одновременной концентрации внимания на свойствах и отношениях, интересующих исследователя. Результатом абстрагирования является особая умственная конструкция – абстракция, фиксирующая свойства объекта, выделенные ученым, и игнорирующая другие его свойства. В зависимости от того, какие именно свойства (главные, сущностные или второстепенные) оказываются в поле зрения исследователя, абстракции бывают удачными и неудачными, способствующими углублению наших знаний об объекте или уводящие мышление в сторону. В праве часто приходится абстрагироваться от реального социокультурного содержания изучаемых объектов или процессов, сосредотачиваясь на юридически значимой форме. Таковы, например, абстракции физического или юридического лица.

С абстрагированием связан и такой прием мышления, как **обобщение**, позволяющий выделять общие свойства и признаки изучаемых объектов. На основе обобщений строятся определения всех понятий, включающие в себя признаки, присущие реальным объектам. В том случае, когда на основе сходства объектов в одних признаках заключают об их сходстве в других признаках, говорят об использовании **аналогии**. Некоторые правовые нормы применяются, а правовые решения принимаются по аналогии

В чем-то сходным с абстрагированием является **процесс идеализации**. В его основе чаще всего лежит способность некоторых свойств изменяться по степеням. На основе мысленного изменения таких свойств до некоторых невозможных в действительности границ формируются представления об их предельных выражениях. В процессе идеализации происходит отвлечение от некоторых реальных свойств предметов и явлений и приписывание им других, тоже реально существующих признаков, но в их предельном идеальном выражении. В результате возникают идеализированные объекты, а на основе знания о существующих в реальности объектах создаются понятия об объектах, которые в действительности не существуют, но в то же время в определенных отношениях сходны со своими прообразами и удобны для теоретического исследования. Таковы, например, идеальные модели правовой нормы, нормативного правового акта, правового договора, преступления и т. д.

Анализ и синтез предполагают мысленное расчленение целого на части и, соответственно, мысленное соединение отдельных сторон или свойств в целое. Сложность при этом состоит в выделении самих частей: задано ли это выделение реальной структурой объекта, его природой или осуществляется исследователем произвольно, по своему усмотрению. **Индукция и дедукция позволяют нам, делать заключения о неизвестном на основе имеющегося знания**. В первом случае из частных посылок, описаний отдельных фактов, полученных в опыте, делают общие выводы. Во втором – из общих посылок, верность которых предполагается, – вывод о частных следствиях. Слабой стороной индукции является её неполнота, поскольку в реальности практически невозможно провести опыт с каждым изучаемым объектом ввиду их недоступности, неопределенного числа или ограниченности времени. Проблемы истинности дедуктивного вывода зависят от того, насколько обоснована истин-

ность общей посылки. Построение материальной или идеальной модели используется тогда, когда изучение реального объекта по каким-либо причинам невозможно. При этом любая модель должна соответствовать оригиналу, прежде всего, в тех свойствах и отношениях, которые интересуют исследователя и изучаются им.

Однако в науке существуют специальные методы построения теорий. Они формировались в процессе развития конкретных наук и лишь затем в зрелом, законченном виде приобрели общенаучное значение.

Аксиоматический метод был впервые применен в математике при построении геометрии Евклида, а позже в ходе исторического развития знаний – в других эмпирических науках. Аксиоматический метод – способ построения научной теории, когда в ее основу кладутся некоторые исходные положения – аксиомы, истинность которых предполагается. Из аксиом все остальные утверждения этой теории выводятся чисто логическим путем посредством доказательства.

В юридическом мышлении роль аксиом могут играть принципы права, презумпции, фикции. Часто юристам необходимо упростить социальную реальность, снизить характерную для общества неопределенность с помощью предположения о том, что те или иные факты и обстоятельства существуют или не существуют. Опираясь на содержание таких предположений, юрист строит логически последовательную и непротиворечивую систему теоретических рассуждений.

В эмпирических (опытных) науках аксиоматический метод выступает в особой форме **гипотетико-дедуктивного метода** построения теории. Исходным пунктом гипотетико-дедуктивного мышления является знакомство с фактическим материалом, требующим теоретического объяснения, и попытка дать его с помощью уже существующих теорий и законов. Если это невозможно, то тогда выдвигается предположение (гипотеза) о причинах и закономерностях изучаемых фактов. В формировании гипотезы участвуют и догадки, и интуиция, и воображение, и индуктивное обобщение, а также опыт, квалификация и талант ученого. Все эти факторы практически не поддаются строгому логическому анализу.

Основное познавательное средство гипотетико-дедуктивного метода – выведение из основного предположения гипотезы максимального числа следствий, которые позволяют, во-первых, лучше ее понять, выявить содержание на конкретно-предметном уровне, т. е. соотнести

ее с практикой; во-вторых, дают возможность соотнести ее с другими теоретическими знаниями, найти ее место в более общей системе знания. Важную роль играют подтверждение и опровержение гипотез. Гипотезу можно подтвердить через подтверждение следствий. Если выведенные из гипотезы эмпирические следствия подтверждаются фактами, опытом, то вероятность гипотезы возрастает. Но если хотя бы одно следствие противоречит фактам, гипотеза опровергнута. Следующий способ состоит в том, что гипотеза встраивается в систему имеющегося теоретического знания так, чтобы она не только согласовывалась с ним, но и логически вытекала из считающихся установленными научных положений. Еще один способ подтверждения применяется только к единичным гипотезам или, как их еще называют, гипотезам существования, т. е. к таким, в которых предположительно утверждается существование чего-либо. Эти гипотезы надежнее всего подтверждаются обнаружением того, что предполагалось ими.

Гипотетико-дедуктивный метод получил распространение в начале XX в. Он был призван заменить индуктивный метод и применялся преимущественно в естественных и технических науках. Однако и в социально-гуманитарных, в том числе в юридических, науках этот метод мышления может быть использован для теоретического моделирования версий происходящего, процесса принятия решений или выбора варианта действий в определенной ситуации, когда важно представить и проанализировать цепочку возможных последствий, вытекающих из того или иного выбора субъекта.

Формализация – метод, при котором происходит временное абстрагирование от содержания (внутреннего наполнения, состава) предмета и сосредоточение внимания на исследовании его формы (внешней организации внутреннего содержания). Формализация позволяет обобщать, находить сходные черты между формами различных по содержанию процессов. Поскольку в любом явлении форма и содержание взаимосвязаны, формализация позволяет лучше и глубже понять внутреннее наполнение, состав и природу изучаемых объектов и может осуществляться с разной степенью полноты. Классические образцы формализованных наук – математика и логика, в которых достигается отображение содержательного знания в знаково-символическом виде (в формализованном языке). Формализация широко используется и в юридической науке. Высказывается мнение о том, что этот метод является основным при построении юридических теорий.

Достоинства формализации при построении теорий состоят в том, что логические рассуждения и выводы переводятся на формализованный (знаково-символический) язык. Это позволяет сравнивать объекты, находить в них общие черты и делать теоретические выводы. Появляется возможность использовать логическое преимущество формализованного языка по сравнению с естественным – большую четкость и однозначность. Формализация делает потенциальным выведение многочисленных положений теории из небольшого числа исходных. В идеале формализованная теория представляет собой аксиоматически построенную теорию.

Тем не менее следует применять формализацию в разумных пределах, поскольку ни одна наука не может быть абсолютно формализована. Кроме того, формализация не самоцель: познав углубленно форму, мы вновь должны вернуться к содержанию, имея возможность исследовать его на более высоком уровне. Следует также учесть, что формализованные выводы не могут быть полностью без корректировки перенесены на конкретное содержание. С подобной проблемой при квалификации юридических фактов и событий (правонарушений и преступлений) сталкиваются как ученые-юристы, так и юристы-практики.

Среди методов построения научных теорий особое место принадлежит **методу восхождения от абстрактного к конкретному**. Его суть заключается в движении научной мысли от исходных, простых, бедных содержанием абстракций к целостной, насколько это возможно, всесторонней, богатой содержанием теоретической модели изучаемого сложного, системного объекта. Наука начинает исследование конкретного объекта с расчленения его на отдельные части, свойства, стороны. Она создает абстракции, отражающие эти существенные моменты конкретного, анализирует отношение между этими абстракциями. Постепенно на дальнейших этапах теоретического исследования в него вводятся новые более сложные и насыщенные содержанием понятия. В итоге конкретное в теоретическом мышлении предстает как процесс синтеза, результат. Совокупность абстракций, отражающих разные стороны конкретного изучаемого объекта, создают его объемное, многомерное видение, выявляющее различные, в том числе взаимоисключающие, свойства и состояния. Метод восхождения от абстрактного к конкретному применяется для построения теорий в общественных науках, которые описывают

сложные (экономические, правовые, политические, социальные, психологические) системы на стадии их зрелости и максимальной сложности.

Результаты теоретического познания

Результатами теоретического познания с использованием описанных нами методов выступают научные идеи, концепции и теории. Идея представляет собой отражение в мысли человека явлений и процессов окружающего мира, в котором определяются цель и направленность его познания и практического действия; может стать основой для синтеза знаний в единую систему, объясняющим принципом деятельности людей. В этом случае идея со временем может превратиться в концепцию, т. е. в совокупность нескольких логически взаимосвязанных между собой идей, выражающих основной замысел, способ понимания (трактовки) природной или социальной реальности. Особенность концепции в том, что она не завершена, не является в полной мере целостным системным знанием, не обоснована всесторонне фактами опыт и практикой применения. В процессе совершенствования и доработки концепция превращается в теорию – высшую форму организации научного знания.

Теория является целостным (системным) отображением в познании определенной области действительности, высшей формой организации научного знания, поскольку дает отображение закономерных и существенных связей значительной области действительности. Примерами такого отображения можно считать классическую механику И. Ньютона, эволюционную теорию Ч. Дарвина, теорию относительности А. Эйнштейна. Широко известны такие юридические теории, как теория правового государства, теория прав человека, теория нормативного правового акта, теория криминалистической идентификации, теории юридического лица и правоотношений и т. п.

Не всякая совокупность знаний об изучаемой области реальности является теорией. Чтобы превратиться в теорию, знание должно достигнуть в своем развитии определенной степени зрелости: оно должно не просто описывать факты, но и объяснять их, а также предсказывать развитие событий в исследуемой области. Теоретическое знание должно стремиться к объяснению как можно большего круга явлений, непрерывному углублению знаний о них. Ядро науч-

ной теории составляют один или несколько идеализированных объектов, моделирующих изучаемую реальность, основные утверждения и выводы теории, а также описывающие их основные понятия. Именно эти модели открывают возможности для познания закономерностей изучаемой сферы, объяснения и прогнозирования происходящих в ней процессов. Наряду с ядром в структуру научной теории входят ее вспомогательные утверждения (следствия, вытекающие из основных утверждений, система аргументации), а также основные факты и практические приложения теории. В состав теорий социально-гуманитарных наук также включаются повседневные (обыденные) наблюдения, подтверждающие теорию, неявное знание (эмоционально-личностный опыт авторов теории, их познавательные установки, традиции организации исследований).

Когда речь идет о разрешении сложных вопросов науки, возникают различные конкурирующие теории, поэтому в методологии науки обычно пользуются критериями, с помощью которых удается выбрать хорошую теорию из конкурирующих. Как полагает К. Поппер, среди конкурирующих теорий предпочтение отдается той, которая: а) сообщает наибольшее количество информации, т. е. имеет более глубокое содержание; б) является логически более строгой; в) обладает большей объяснительной и предсказательной силой; г) может быть более точно проверена посредством сравнения предсказанных фактов с наблюдениями. В итоге любая теоретическая система, как показал К. Поппер, должна удовлетворять двум основным требованиям: непротиворечивости (т. е. соответствовать законам формальной логики); фальсифицируемости (опровергаемости при определенных условиях) – а также опытной экспериментальной проверяемости.

Роль и предназначение научной теории раскрываются в ее функциях, которые она выполняет в жизни научного знания. Прежде всего, это объяснительная функция – раскрытие многообразных связей изучаемого объекта или области реальности, их существенных характеристик, законов происхождения и развития, причинных и иных зависимостей. Синтезирующая функция проявляется в способности теории упорядочивать обширный эмпирический и теоретический материал, объединять разрозненные достоверные знания в целостную систему. В процессе своего применения теория апробирует новые пути, методы и приемы научного исследования, выполняя тем самым методологическую функцию. Наличие развитых

теорий, ориентированных на получение дедуктивных выводов, позволяет научному сообществу давать прогнозы развития событий, оценивать вероятность наступления последствий, затрагивающих интересы людей, уменьшать риски непредсказуемого развития событий. В этом проявляется предсказательная функция научных теорий. Тем самым научная теория воздействует на технологическое развитие и социальную практику, способствуя их совершенствованию и подтверждая справедливость мысли физика Л. Больцмана о том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Таким образом, наука, представленная как процесс получения нового знания, включает в себя ряд этапов, в числе которых: 1) описание, систематизация и интерпретация фактов реальности; 2) формулировка проблем, требующих решения; 3) выдвижение и проверка гипотез; 4) разработка идей и концепций и их трансформация в научные теории, позволяющие совершенствовать технологии практической деятельности.

Важным результатом процесса производства нового научного знания является формирование **научной картины мира**. Такая картина – это целостная система представлений о мире, в которых отображаются общие свойства и закономерности его существования. Научная картина мира дает ответы на вопросы о том, с какой именно реальностью мы имеем дело, насколько она однородна, подвержена изменениям и управленческим воздействиям. Наряду с общенаучной картиной мира, формируемой всей наукой в целом, существуют и специальные картины мира, формируемые конкретными науками.

Одна из целей юридической науки – построение правовой картины мира, которая призвана показать, какая именно часть социальной реальности охвачена правом, урегулирована им; насколько жестко и эффективно правовое регулирование; отличаются ли по своему правовому режиму публичная и частная жизнь; существуют ли сферы общества и социальные практики, принципиально не приемлющие право или еще не охваченные им? Правовая картина мира должна указать обществу на зоны правовой напряженности и правовых конфликтов, зоны дефицита и избытка правового регулирования. Не менее важны в условиях глобализации ответы на вопросы о том, насколько однородна правовая реальность, как сочетаются в ней континентальная, англо-саксонская, мусульманская и другие правовые системы и традиции, возможно ли единое планетарное право.

1.3. ■ Наука как социальный институт

После приведенного описания научной, в том числе правовой, картины мира необходимо перейти к рассмотрению положения и статуса всей науки в целом и юридической науки в частности в современном мире. Любая деятельность в обществе приобретает ту или иную социальную форму, научная не исключение. Сегодня многие социальные явления, например власть, семья, собственность, образование, приобретают институциональный характер. В науке не существует единого определения социального института. Нужно исходить из того, что социальный институт – это форма организации человеческой деятельности, которая в силу своей устойчивости обладает программирующим эффектом. Благодаря социальным институтам человек не изобретает новых способов деятельности, новых вариантов реализации своих потребностей: общество предлагает ему определенную (готовую, разработанную и опробованную) программу поведения, «колею» в виде модели деятельности, закрепленной в социальном институте, по которой он может двигаться в жизни. Мы не изобретаем формы и способы решения жизненных задач, а пользуемся теми, которые уже прошли проверку опытом человечества. Каждому человеку кажется, что он идет своим индивидуальным путем, но на деле все мы помещены, хотя и в разной мере, в институциональные рамки.

Несомненное достоинство социального института состоит в том, что он избавляет общество от непредсказуемости. **Современная наука представляет собой социальный институт, т. е. форму организации научных исследований, обеспечивающую непрерывное получение нового знания, его технологическое применение, экспертизу разнообразных проектов и решений, прогнозирование развития природы и общества.** Благодаря этой организации познавательная деятельность и творчество отдельных, наиболее способных и одаренных людей превращается в социальную силу, становится мощным фактором воздействия на человека и мир, окружающий его. Институт науки сформировался в XX в. Со второй половины XX в. вместе с развертыванием научно-технической революции принципиально меняется роль науки в общественном производстве и обществе: она опережает развитие потребностей и возможностей человека и, делая фундаментальные открытия, предла-

гает не только варианты их практического применения, но и готовые технологические решения, разработанные технологические комплексы, системы информационного обеспечения практической деятельности.

Сейчас инновационные импульсы идут преимущественно от научных организаций, а не из сферы производства, тем самым современная наука превращается в непосредственную производительную силу, организованную и хорошо отлаженную машину (систему) по производству новых знаний в самых разных областях жизни человечества. Распространение в обществе научных знаний делает его все более сознательно регулируемым и управляемым, что позволяет ставить вопрос о превращении современного общества в «общество знания». Возрастание разнообразия форм и содержания научных исследований ставит вопрос об ответственности ученых не только за результаты, но и за выбор направлений и целей научных разработок.

Институционализация науки предполагает процесс воспроизводства ученых как социальной группы. Ученые не существуют вне научного сообщества. Начав формироваться в XVIII в., научное сообщество развивалось стихийно. В XX в. М. Поланьи ввел термин «научное сообщество», Т. Кун создал учение о парадигме как алгоритме научной деятельности, который формирует и развивает определенное научное сообщество из числа ее сторонников. Со временем появляются творческие личности, которые противопоставляют себя коллективу, стремясь к пересмотру парадигмы, и начинается разрушение сообщества. И М. Поланьи, и Т. Кун рассматривали науку с романтических позиций, считали что учеными движет исключительно познавательный интерес и они свободны от личных пристрастий, материальных интересов, честолюбия и стремления к власти. Постепенно от этих представлений пришлось отказаться. Американский социолог науки Р. Мертон в 1942 г. в работе «Наука и демократическая социальная структура» пытается разработать этический кодекс научного сообщества. Он включает в себя следующие идеалы: 1) **научный универсализм** – стремление к всеобщности, общезначимости научного знания, в котором нет ничего личного и группового; 2) **коммунальность** – совместный поиск истины, открытое обсуждение полученных результатов, критичность, исключаящие слепое поклонение авторитетам; 3) **объективность** – развитие науки определяется исключительно внутренними

факторами, полное неприятие и противостояние ученых подкупу, внешнему давлению, честное и открытое признание достижений других; 4) **организованный скептицизм** – господство принципа сомнения, требование в любом вопросе приводить аргументацию, ничего не принимать на веру. Более чем через 20 лет в работе «Амбивалентность ученого» Р. Мертон признает, что в действительности ученый выбирает между универсализмом и защитой частных групповых интересов. Требования критики в науке соседствуют с упорным нежеланием отказываться от устаревших взглядов, открытость для дискуссий – со стремлением скрыть результаты исследований, применив режим секретности. Как показал социолог, ученый всегда стоит перед выбором: **в реальной жизни всех научных сообществ существуют альтернативные ценностные ориентации.**

Современное научное сообщество включает в себя ученых и всех занятых в науке, преподавателей университетов и сотрудников самых разных исследовательских организаций. В нем можно выделить несколько уровней: 1) международное научное сообщество (формируется со второй половины XX в. под воздействием глобализации); 2) национальные научные сообщества (доминировали с конца XVIII до середины XX в.); 3) дисциплинарные научные сообщества (физиков, лингвистов, инженеров, юристов), возникшие в XVIII–XIX вв.; 4) научные школы, сформировавшие мнение об ученых как о людях с особым складом ума и познавательных интересов. В научных сообществах выделяется элита – исследователи, достигшие наивысших, публично признанных всеми учеными результатов, работающие в ведущих научных центрах, где сосредоточены ресурсы, информация и власть. Власть элиты проявляется не только в ее научном авторитете, но и в контроле за организацией исследований, информационными ресурсами, изданием трудов, проведением конференций и конгрессов, фиксированием известности в индексах цитирования. Любое научное сообщество руководствуется стремлением к самосохранению: оно поощряет конкуренцию между учеными, может интегрировать в себя тех, в ком оно нуждается, и отторгнуть тех, в ком видит опасность.

Самая простая и исторически первая институциональная форма научных исследований – **научный кружок**. Он формируется стихийно, его появление – результат инициативы одного или нескольких исследователей. В кружке нет лидера, все его члены равны,

в нем доминирует горизонтальная коммуникация, равноправное сотрудничество, свободный обмен мнениями. В научной школе, напротив, преобладают вертикальная коммуникация (учитель-ученик) и подчинение научным авторитетам. Если среди участников научного кружка появляется лидер, авторитет которого признают все его члены, то возможно его превращение в научную школу.

Среди всех научных сообществ научные школы занимают особое место: они являются своеобразными центрами научной жизни. Прототипом научных школ были философские школы Древней Греции, соединявшие педагогические и познавательные функции. В рамках философских школ складывались отношения учитель-ученик, формировались традиции развития и передачи знаний. В эпоху Возрождения существовали художественные школы как школы индивидуального творческого мастерства, в которых царила атмосфера состязательности, а также стремление учеников превзойти своих учителей. В классической науке школы начинают образовываться в XVIII в. Их особенность – исследование одной проблемы, разработка определенного научного метода, проведение и совершенствование эксперимента. Значительную роль в развитии научных школ и организации научных исследований сыграло появление в XIX в. дисциплинарно организованной науки. Научная дисциплина представляет собой систематическое изложение содержания той или иной науки, приспособленное к преподаванию. Систематизация научных знаний в университетских курсах позволяла, с одной стороны, совершенствовать логику научного мышления, с другой – выискивать пробелы в научном знании, спорные вопросы, неисследованные проблемы. В XX в. с появлением аспирантуры научные школы объединили исследовательскую деятельность с педагогической. **Научная школа – это научный коллектив, в котором выделяется лидер – основатель школы. В ней представлены несколько поколений ученых: коллеги лидера и его ученики, второе поколение учеников, начинающие ученые, формируется иерархия научных авторитетов, а также традиция и свой стиль научных исследований. Школа воспроизводит не просто ученых, а сторонников определенной точки зрения в науке (научной парадигмы, исследовательской программы).**

Научное течение – большое, как правило, неформальное сообщество ученых, где может быть несколько лидеров. Ученых, принадлежащих к течению, объединяет не авторитет лидера, а приверженность одному направлению исследований. Научное течение появляется тогда, когда в одной области науки появляется несколько лидеров, формируется несколько версий одной теории или несколько научных школ, не только конкурирующих, но и сотрудничающих между собой. Сегодня наука может существовать в формах государственных и негосударственных организаций, исследовательских центров и добровольных научных обществ, официально признанных научных школ и неформальных групп и течений.

Наряду с научным сообществом в состав института науки включаются органы управления наукой; инфраструктура науки, обеспечивающая деятельность научных коллективов и отдельных исследователей; специализированные информационные структуры, задачи которых – презентация, пропаганда и популяризация научных знаний; этика науки. Сегодня успешные научные исследования невозможны без развитой инфраструктуры: библиотек, архивов, баз данных и иных хранилищ информации, технопарков, полигонов, музеев, заповедников, опытно-экспериментальных производств. Поглощенные процессом исследований ученые не могут одновременно с этим заниматься представлением и популяризацией научных знаний, их распространением в обществе и культуре. Здесь нельзя обойтись без профессионально поставленной информации о работе и достижениях отдельных исследователей и научных коллективов в печатных и электронных средствах массовой информации, рекламы научных мероприятий, пропаганды научных знаний и способов их практического применения.

Институциональная организация науки расширяет свободу действий и вместе с ней ответственность ученых. Это придает особое значение этике науке, нравственным регуляторам научного творчества, которые формируют специфическую жизненную программу для всех людей, профессионально занимающихся наукой. При этом следует иметь в виду, что сама по себе наука в моральном отношении является нейтральной: в научных знаниях не содержится ни добра, ни зла. Нравственные проблемы возникают не в самой науке как в определенной системе знаний, а в творчестве ученых, их отношениях между собой, а также с обществом и государством. Столкнувшись с ними, научное сообщество выработало представле-

ние об **основных принципах общения**, которыми нужно руководствоваться его членам. Важнейший из них – **объективность** – требует относиться к любому изучаемому объекту или обсуждаемому вопросу, избегать неконтролируемого проявления эмоций и страстей, смотреть на него всесторонне, целостно, **быть справедливым в оценках и высказываемых мнениях, не замалчивать заслуги других исследователей, не игнорировать другие точки зрения, быть самокритичным.**

Еще один принцип этики науки – **честность**, которая проявляется в открытой демонстрации ученым результатов своего научного творчества, сделанных им открытий и изобретений. Честность требует открытого обсуждения выводов и теоретических следствий из изложенных ученым взглядов и мнений, а также проблем, связанных с возможным практическим применением его идей и концепций. **Запрет на плагиат** (дословное заимствование чужого научного текста или законченного произведения) как нравственный принцип научной деятельности соответствует религиозной заповеди «Не кради!» и выражает такую нравственную черту человека науки, как **порядочность** по отношению к коллегам. Неизбежное в науке заимствование идей не отменяет необходимости сохранять свое индивидуальное лицо и творческую оригинальность при их истолковании и изложении. Наконец, **принцип ответственности ученого за выбор целей, методов и приемов исследования, практическое применение полученных результатов, а также за экспертизу социально значимых проектов и решений** является сегодня необходимым условием занятия наукой, особенно социально-гуманитарной. Нужно иметь в виду, что традиционное понимание ответственности, которая наступала лишь после того, как те или иные результаты или последствия научного открытия обнаружили себя, в современном обществе ставится под сомнение. В начале XXI в., когда развитие науки позволяет прогнозировать все большее число процессов, с высокой степенью точности оценивать наступление тех или иных последствий предлагаемых для научной экспертизы программ и проектов, ученый оказывается перед необходимостью опережающего принятия на себя ответственности за их возможную поддержку. Осознание ответственности в этих случаях требует от серьезного исследователя отказа от участия в сомнительных начинаниях и требования их корректировки на стадиях разработки и утверждения.

Философский анализ науки как формы общественного сознания, процесса получения нового знания и социального института позволяет осознать специфику отношения современного человека и общества к окружающему миру, возможности управления природными и социальными процессами, роль разума и рационального мышления в решении проблем современной цивилизации.

Вопросы для обсуждения и контроля

1. Как рассматривается наука в современной философии?
2. Каковы особенности науки как формы общественного сознания?
3. Чем научное знание отличается от обыденного?
4. Каковы особенности научного знания?
5. Сравните научное и художественное познание.
6. Каковы функции науки как формы общественного сознания?
7. В чем отличия эмпирического и теоретического уровней научного познания?
8. Каковы особенности научного наблюдения и его использования в социально-гуманитарных науках?
9. Каковы особенности научного эксперимента и его использования в социально-гуманитарных науках?
10. Каковы способы объяснения научных фактов и особенности их использования в социально-гуманитарных науках?
11. Дайте свое понимание научной проблемы. Чем она отличается от вопроса?
12. Дайте характеристику общелогическим методам познания.
13. Каковы методы построения научных теорий и особенности их использования в юридических науках?
14. Каковы особенности научной теории как формы организации научного знания?
15. Почему в современном обществе наука превращается в социальный институт? Каковы его элементы?
16. В чем особенности различных видов научных сообществ?
17. Каковы особенности этики науки?

Рекомендуемая литература

1. Боруленков, Ю. П. Юридическое познание как фундаментальная категория правоведения / Ю. П. Боруленков // Юридический мир. – 2009. – № 12. – С. 52–56. – ISSN 1811-1475. – Текст : непосредственный.
2. Бучило, Н. Ф. Философия : учебное пособие / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – Москва : Проспект, 2013. – 467 с. – ISBN 978-5-392-07552-2. – Текст : непосредственный.
3. Канке, В. А. Философия для юристов : учебник / В. А. Канке. – Москва : Омега-Л, 2009. – 414 с. – ISBN 978-5-370-00728-6. – Текст : непосредственный.
4. Михалкин, Н. В. Философия для юристов : учебник и практикум / Н. В. Михалкин. – Москва : Юрайт, 2017 – 471 с. – ISBN 978-5-534-01517-1. – Текст : непосредственный.
5. Новая философская энциклопедия : в 4 томах. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с. – ISBN 978-2-244-01118-0. – Текст : непосредственный.
6. Поланьи, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Поланьи. – Москва : Прогресс, 1985. – 447 с. – Текст : непосредственный.
7. Словарь философских терминов / под редакцией Б. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 731 с. – ISBN 5-16-002328-3. – Текст : непосредственный.
8. Философия : учебник / под ред. В. А. Кудина, В. В. Балахонского, Б. К. Джегутанова. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2010. – 630 с. – Текст : непосредственный.
9. Шавеко, Н. А. Проблема истины в процессуальном праве / Н. А. Шавеко // Новый юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 148–154. – ISSN 2076-278X. – Текст : непосредственный.

ГЛАВА 2. ■ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Право относится к числу наиболее сложных явлений общественной жизни. Как следствие, существует множество различных пониманий его сути и соответствующих определений.

Хотя ценность философско-правовых теорий, безусловно, не одинакова, все они приоткрывают те или иные существенные черты права и могут (и должны) выступать составными частями понятийного синтеза. Совершенно недостаточно лишь констатировать наличие принципиально различных подходов к сущности права при фактическом отказе от их сопоставления, как это предлагают некоторые современные авторы. Необходимо хотя бы наметить основные вехи философско-правовой мысли и обратить при этом особое внимание на поиск и фиксацию в различных правовых теориях социальных оснований права.

2.1. ■ Естественно-правовая философия

Исторически первой в ряду анализируемых теорий стоит естественно-правовая. Первоначально право не рассматривалось как нечто, о чем человек может судить самостоятельно. Под ним подразумевали дар высшей силы, божества, а в более ранних правовых теориях оно было тесно связано с религией. Законодатель считался действующим от имени и по воле божества, сомнения в правильности закона не допускались.

Становление естественно-правового подхода происходит в пространстве античной культуры. «В Древней Греции... законы и сами формы государственного устройства перестают приниматься на веру, их начинают обдумывать, а иногда (при излишней строгости или несправедливости) отклонять», – указывает О. Хеффе. Складывается убеждение (разделяемое такими столпами европейской философии, как Сократ, Платон и Аристотель), что существуют базовые, исходные принципы права, не зависящие от времени и места, не отменяемые никакими властями и договорами. Господство права отождествляется с господством разума, оно провозглашается мерилom справедливости. Цицерон прямо говорит, что греки вкладывали в понятие закона прежде всего понятие справедливости, а так как

последняя – явление универсальное, значит, как отмечает Аристотель, истинный закон одинаков везде так же, как один и тот же огонь горит и в Греции, и в Персии. Эта позиция получила широкое распространение и вместе со стоической философией (а возможно, и по другим каналам) была усвоена римлянами, в том числе Цицероном. Он продолжает выводить право из закона божественного и природного. Однако ссылка на эти высшие инстанции служит уже не только утверждению незыблемости существующего права, но и (чем дальше, тем больше) интересам критики путем указания на его несоответствие божественному праву. У римских юристов появляется и используемое до сих пор понятие «естественное право» (*ius naturale*), противопоставляемое «гражданскому праву» (*ius civile*). «Естественное право предполагалось существующим самобытно и вследствие того неизменно и постоянно; оно прирождено человеку и потому всеобщее». Такое разделение было усвоено христианской мыслью и оставалось господствующей традицией в течение многих столетий. Конкретные выражения теории могли различаться (иногда существенно). Можно выделить три ее основных варианта: естественное право Откровения, рациональное естественное право и историческое (эволюционное) естественное право.

Теория откровенного естественного права наиболее последовательно была изложена Фомой Аквинским. Он основывал естественный закон на божественном законе, источник которого – божественный разум. Право определялось им как «предписание разума, направленное на достижение общего блага», причем его существенной чертой провозглашалась справедливость.

Второй этап развития естественно-правовых представлений начинается с Г. Гроция. Он рассматривал естественные законы как имманентные свойства человеческого разума, присущие его природе, подобно законам логики (и столь же необходимые и неизменные). «Естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом». На этом этапе (до начала XIX в.) основы правопорядка продолжали рассматривать в качестве незыблемых и универсальных, но выводили их теперь из человеческого разума или природы. В рамках данного подхода наблюдается определенная пестрота мнений. Так, у Т. Гоббса впервые четко акцентируется различие (и конфликт) между естественным законом и естественным правом. Последнее существует в естественном состоянии людей

и дает каждому право на все. «Естественное право каждого человека определяется не здравым рассудком, но желанием и мощью» – вторит ему Спиноза. Естественные законы же (хотя их обоснование у Т. Гоббса вполне утилитарно) резюмируются золотым правилом этики. Они «неизменны и вечны. Ибо... пороки никогда не могут стать правомерными, так как никогда не может быть, чтобы война сохраняла жизнь, а мир ее губил».

Естественно-правовая философия достигает вершины во взглядах французских и американских просветителей второй половины XVIII в. Естественные права рассматривались ими как существенная часть человеческой личности вообще. «Отказаться от своей свободы – значит отречься от человеческого достоинства, от прав и обязанностей человеческой природы», т. е. фактически перестать быть человеком, по крайней мере, потерять право на это. Теория естественного права была ядром воинствующего антифеодализма Просвещения и стала составной частью идеологии Великой французской буржуазной революции. «Целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» – провозглашает Декларация прав человека и гражданина.

Вплоть до начала XIX в. авторитет права в Европе был чрезвычайно высок. Господствовавшая в философии права естественно-правовая теория тесно связывала его со свободой, справедливостью, нравственностью. Никакие противоречившие этому факты реальной действительности не могли поколебать данного убеждения, поскольку в качестве подлинного права рассматривалось не законодательство конкретных стран и эпох, а некая совокупность абстрактных и неизменных правил всеобщих так же, как и законы природы.

2.2. ■ Юридический позитивизм

В первые десятилетия XIX в. в результате кризиса юснатурализма «право, как созидательное начало общественной жизни, лишается того ореола всеисцеляющего средства, который оно имело в глазах поколения, воспитанного на преданиях Великой французской революции». Это способствовало распространению нескольких новых

течений: либо только что сформировавшихся, либо существовавших ранее в тени естественно-правовой доктрины. Одним из таких течений был юридический позитивизм, имеющий глубокие исторические корни. Впервые его основные положения были последовательно изложены еще в IV–III вв. до н. э. китайскими легистами. Легисты (кит. **фа цзя** – букв. «законники») основной целью деятельности правителя считают достижение социального порядка. Он может быть установлен, только если правление осуществляется с помощью закона – **«фа»**. Термин «фа» выступает также в значениях «метод», «модель», «образец». Необходимость утверждения закона как раз и означает, что поведение людей должно соответствовать единому стандарту, не может быть поставлено в зависимость от их субъективных предпочтений. Как самый лучший плотник все же не в состоянии изготовить колесо без помощи циркуля и угольника, так и самый добродетельный из людей не может всегда поступать правильно, если отсутствует объективная «мерка» надлежащего поведения.

У легистов мы сталкиваемся с (типичным для позитивистов) настоящим культом закона. В наиболее известном из легистских трактатов (приписываемых Шан Яну), указывается, что «тот, кто стремится управлять страной, презрев законы и предписания, подобен человеку, который пытается избавиться от холода и голода, отказываясь при этом от пищи и одежды... стремится идти на восток, двигаясь при этом на запад». Предлагается даже построить своего рода «храм закона» – здание, где хранится в опечатанном виде и под надежной охраной «контрольный экземпляр» законов государства. Закон дается людям правителем, выражает его волю. Правда, в случае легистов (в отличие, например, от Дж. Остина) закон при этом еще и укореняется в религиозной традиции. Исследователи указывают, что «официальная религиозная традиция древнего и императорского Китая... концентрировалась преимущественно вокруг не культов божественных персонажей, а культа правителя, который до определенного времени исчерпывал собою официальную идеологическую систему древнекитайского общества». Считалось, что от действий правителя непосредственно зависит, например, плодородие почв и вообще материальное благополучие страны. Император отнюдь не метафорически именуется «сыном неба». Таким образом закон обрета-

ет религиозную санкцию, поскольку неразрывно связан с сакральной фигурой императора. При этом он мыслится легистами как регулятор сугубо внешний. Это принципиально отличает его от конфуцианских правил поведения – ли, следование которым есть внутренняя потребность человека.

На Западе позитивистски окрашенное понимание права разрабатывал, например, средневековый английский мыслитель И. Дунс Скот, усматривавший единственный источник права в воле Бога. Она в любой момент может дать людям новые законы, в том числе совершенно противоположного содержания. Однако они по-прежнему будут справедливы (и должны приниматься людьми в качестве таковых) в силу своего происхождения, т. е. человеческие законы не несут в себе какой-либо метафизической идеи, но есть чисто условное (хотя и божественное) установление. Данный подход противоречил официальной доктрине церкви – томизму – и не получил широкого распространения. Еще более ранними предтечами позитивизма можно считать греческих софистов, непосредственными предшественниками – так называемую «практическую школу» германских юристов XVII в. Однако подлинный расцвет юридического позитивизма приходится на XIX в.

В Англии зарождение позитивизма связано с именем основателя философии утилитаризма И. Бентама. На той же философской базе развивались взгляды Дж. Остина (ему принадлежит сам термин) и Дж. Ст. Милля. В Германии возникают теории А. Меркеля, А. Ленинга, К. Бергбома, несколько позже Г. Кельзена. Отдал дань позитивизму и знаменитый философ и теоретик права Р. Иеринг. Философская основа их построений была самой разнообразной: от философского позитивизма О. Конта до неокантианства. Но все они приходили к одному выводу, сжато выраженному Дж. Остином. Он считал необходимым выделить юриспруденцию как собственно науку о праве, которая «имеет дело с законами или правом в собственном смысле этого слова, без рассмотрения того, плохи они или хороши». Это и есть «позитивное право», т. е. закон, установленный политически высшими для политически низших.

Согласно позитивистской доктрине право понимается как совокупность норм, принятых с соблюдением всех формальных требований и охраняемых силой государственного принуждения. Какая-либо оценка права с точки зрения общественной пользы, справедливости

или нравственности полностью исключается, в связи с чем «естественно-правовые бредни» (выражение К. Бергбома) подвергаются язвительной критике. Цели, преследовавшиеся основателями позитивизма, были достаточно благородными. И. Бентам был современником Великой французской буржуазной революции и считал, что именно расплывчатость естественно-правовой теории сделала возможным самый жестокий террор. Чтобы исключить подобные эксцессы, И. Бентам и другие основатели позитивизма стремились загнать право в жесткие рамки.

В XX в. наиболее известными представителями позитивистской доктрины стали Г. Кельзен в Германии и Г. Харт в США. Так, первый попытался выработать «чистую теорию права», объяснить правовое бытие исключительно из него самого, не привлекая для его обоснования никакие внешние по отношению к праву феномены. Чтобы быть признанной в качестве таковой, правовая норма должна обладать двумя признаками: действенностью и действительностью. Действенность означает, что реальные отношения субъектов права должны строиться в соответствии с нормой, проще говоря, норма должна соблюдаться. При этом в случае конкуренции нескольких нормативных порядков действенным является тот из них, предписания которого выполняются чаще. Если, например, некая территория в течение длительного времени контролируется антигосударственными силами, то вводимые ими правила (а не государственные законы) как раз и обладают действенностью. Действительность же нормы определяется ее соответствием норме, обладающей более высокой юридической силой (которая, в свою очередь, должна опираться на следующую в иерархической системе норму и т. д.). Выстраиваемая иерархия норм увенчивается **базовой нормой** (Grundnorm). Она берется как данность, как нечто, не нуждающееся в обосновании. В отношении базовой нормы нельзя ставить вопросы о ее происхождении и содержании, поскольку ответы на них уведут нас далеко за пределы собственно права, теория которого теряет таким образом свою «чистоту». Единственное требование к базовой норме состоит в том, чтобы она могла послужить основой для построения относительно эффективного правопорядка. Его содержательные характеристики Г. Кельзена (как и любого позитивиста) не интересуют.

Однако нужно обратить внимание на тот факт, что юридический позитивизм не смог (несмотря на все попытки) полностью элими-

нирывать право от влияния со стороны общества. Делая акцент на формальном моменте в праве, позитивисты тем самым утверждают наличие в социуме неких правил и процедур, которые не могут быть отброшены. Эти формальные правила и процедуры независимо от наполняющего их содержания в значительной степени свободны от законодательствующей воли, так как жестко связаны предшествующей юридико-технической традицией. Последняя же (особенно в англосаксонских странах) уходит своими корнями глубоко в обычное право и тем самым в спонтанно складывающийся порядок общественных отношений. Для правовой культуры государств, входящих в семью обычного права, вообще характерно наличие в общественном сознании неразрывной связи между правилами поведения, с одной стороны, и правовыми нормами, с другой. На практике это приводит к высокой степени соответствия результатов правотворческой деятельности ожиданиям общества и серьезно облегчает правореализацию.

Другая концепция, также выросшая из критики естественного права, была представлена исторической школой права. Ее основателем считается Г. Гуго, идеи которого были развиты Ф. Савиньи, Ф. Эйхгорном, Г. Пухтой. По их утверждению, право не есть нечто неизменное и не может быть таковым, ибо оно, подобно языку, обычаям, государственному устройству и т. д., есть плод исторического развития народа. Вместе с ним оно развивается, подчиняясь закону внутренней необходимости. Существующее право не результат деятельности законодателя. Оно вообще не может произвольно создаваться людьми или учреждениями, а необходимо обусловлено своими прежними состояниями и другими элементами социума, в конечном счете некой метафизической сущностью, «душой народа», вложенной в него в момент его рождения. Следовательно, существующее право не может быть плохим или хорошим. Оно – единственно возможное право для данного места и времени (и потому самоценно).

Таким образом, социальное основание права осмысливается представителями исторической школы как лежащее в сфере традиции, причем эта традиция выступает как способ кодирования и трансляции исторического опыта и фактически детерминирует содержание и форму правовых установлений.

2.3. ■ Марксистская философия права

После приобретения популярности идеи исторической школы сразу же стали энергично оспариваться. В частности, серьезный недостаток состоял в том, что при желании эта теория могла использоваться защитниками устаревших институтов и норм. Вместо диалектического гегелевского тезиса «все действительное разумно, все разумное действительно» она опирается на догматическое «все существующее разумно уже в силу своего существования». Это дало основания представителям третьего крупного нового течения – марксизма – заклеить историческую школу права как «школу, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего».

Марксистское понимание права наиболее сжато выражено в обращении к буржуазии из Манифеста Коммунистической партии: «... Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса». Даже с учетом сугубо идеологического характера этого документа суть марксистского правопонимания передается здесь довольно верно. На первый план выдвигается связь права с интересами экономически (как следствие, политически) господствующего класса. По отношению же к слоям, находящимся на низших ступенях социальной иерархии, право выступает прежде всего как орудие угнетения и подавления. Воплощенные в праве ценности – ценности верхов общества, навязываемые ими всем остальным. Генезис права рассматривается через призму дифференциации общества на антагонистические классы и как средство консервации социальной структуры.

Внешне марксистская концепция весьма сходна с бытовавшими еще во времена Платона взглядами на справедливость и право как на выражение воли сильнейшего. Однако марксистское понимание права в действительности значительно глубже. Оно связывает правовое бытие общества с его экономическим бытием, в котором, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, лежат истоки всех иных общественных отношений. Господствующий класс создает или санкционирует правовые нормы отнюдь не произвольно (к какому выводу подталкивает позитивистская доктрина). Его преобладание обусловлено положением такого класса в определенной системе общественного производства. Его право – один из важнейших и наиболее

активных по отношению к базису элементов надстройки в антагонистических общественных формациях. Таким образом, господствующий класс «обречен» поддерживать «свое» право, причем его утверждение в процессе генезиса новой общественной формации способствует прогрессу общества, служит общесоциальным интересам.

Нужно отметить, что именно через социальные интересы (будь то общесоциальные или классовые) в марксизме осуществляется привязка права к реалиям общественной жизни, однако доминирование в праве интересов сугубо классовых вовсе не является безусловным, а выступает лишь в качестве преобладающей тенденции, реализация которой зависит не в последнюю очередь от конкретного соотношения политических сил.

Кроме того, важным представляется указание Ф. Энгельса на то, что право должно не только фиксировать положение в сфере экономики, но и быть внутренне согласованным, не опровергать самое себя. Чтобы достичь этого, право отражает экономику все менее и менее точно, господство того или иного класса выражается в нем все более завуалировано.

Однако сами основоположники марксизма (прежде всего в ранний период своей научной деятельности) выдвигали на первый план «эксплуататорскую» сущность права. В дальнейшем этот момент их философии права был возведен в абсолют и стал одним из незыблемых догматов «ортодоксального» марксизма. Ограниченность и односторонность такой трактовки осознавалась уже многими современниками К. Маркса и Ф. Энгельса. Сущность права отражается ей не вполне адекватно. Помимо служения отдельным классам право выполняет также общесоциальные функции. Однако данная теория содержит большую долю истины. Связь права с обеспечением интересов господствующих социальных групп была (и остается) несомненной, а изучение ее характера и механизмов представляет огромный интерес.

Однако значительный вклад был сделан и исторической школой права. Ее сторонники впервые последовательно рассмотрели право как интегральную часть культуры общества, как нечто, связанное и взаимодействующее со всеми другими его институтами и обусловленное исторически. Такая обусловленность рассматривалась куда более широко и подробно, чем это было сделано в марксизме.

Теории же естественного права принадлежит заслуга обоснования аксиологического подхода к праву, необходимости его сопоставления с этическими категориями, без чего практически сводится к нулю его значимость для общества. Кроме того, юснатурализм косвенно фиксирует социальную заданность права, хотя сначала выдвигаемая юснатуралистами на первый план фигура атомарного «естественного» человека не позволяет сделать подобного вывода. Но естественный индивид рассматривается в различных естественно-правовых концепциях прежде всего как носитель тех или иных социальных ролей, что предполагает наличие соответствующей «сцены», т. е. общества. Таким образом, социальные основания права в теориях естественного права признаются, но не прямо, а опосредованно. Они как бы «просвечивают» в деятельности отдельных индивидов.

2.4. ■ Социологический подход к праву

На рубеже XIX–XX вв. на волне успехов общей социологии конституируется социологическое направление в философии права. Его представители стремились преодолеть, с одной стороны, антиисторичность классической теории естественного права, с другой – метафизичность исторической школы. Общей для социологической юриспруденции является мысль, что право представляет собой спонтанно сложившийся порядок общественных отношений. Юридические же нормы лишь отражают этот порядок, зависимы от него и меняются вместе с ним. Это убеждение разделяется такими направлениями, как солидаризм (Л. Буржуа, Л. Дюги, М. Ориу), теория свободного права (Э. Эрлих, Г. Канторович), юриспруденция интересов (Ф. Хек, Р. Паунд). Право, по выражению Л. Дюги, есть прежде всего социальный факт, правовое принуждение осуществляется обществом в целом и служит интересам каждого. Социальная детерминированность права обрисовывается сторонниками социологического подхода весьма рельефно. Типичным представителем данного подхода выступает Э. Эрлих. Он подчеркивает, что истоки правового развития следует искать не в законодательстве, судебных решениях, юридической науке, а в самом обществе. Именно внутренним порядком человеческих объединений (а вовсе не юридическими установлениями) определяется судьба человека. Люди рассматривают свои права и обязанности как нечто, исходящее из взаимоотношений

людей, а не из юридических норм, регулирующих эти отношения. Государство предшествует конституционному праву, семья – семейному, преступление и наказание – уголовному и т. д. Э. Эрлих указывает, что речь идет не только об историческом, но и о логическом приоритете. Реальные общественные отношения возникают раньше их правового закрепления и определяют содержание правовых норм, по сути, выступая в качестве некой базисной формы права. При этом государство трактуется Э. Эрлихом лишь как одна из множества юридических (могущих породить право) ассоциаций. Другими ассоциациями являются семья, религиозная община, корпорация и т. д. Нормы же, исходящие от государственной власти, становятся правовыми (если это вообще происходит) только тогда, когда они инкорпорируются в **живое право**, т. е. в то, которое на самом деле действует в обществе. Живое право постоянно меняется, эволюционирует вместе с общественными отношениями. Оно всегда идет впереди норм, исходящих от государства. Задача юриспруденции как раз и заключается в том, чтобы смягчить напряжение между ними.

Однако, отражая факт зависимости права от фактически складывающихся общественных отношений и потребностей, социологическая юриспруденция абсолютизирует эту зависимость. Полностью игнорируется творческий потенциал права, не только отражающего, но и формирующего социальные отношения. Кроме того, в статусе права отказывается множество законодательных норм, которые по тем или иным причинам в данный момент не реализуются. Вместе с тем возникает проблема разграничения норм собственно правовых и норм морали, этикета, моды и т. п. Последние либо прямо объявляются правовыми (Э. Эрлих), либо в качестве исключительного признака норм права указывается на применение их судом (Г. Канторович), что малоубедительно.

2.5. ■ Развитие философии права в XX–XXI вв.

С конца XIX – начала XX в. можно выделить некий новый этап развития правовой мысли. Он характеризуется прежде всего чрезвычайной пестротой взглядов. Если до этого времени конкурировали три–четыре философско-правовых парадигмы, то теперь число основных теорий быстро растет и достигает десятков, причем каждая

из них нередко представлена несколькими вариантами. Стоит рассмотреть наиболее значимые направления правовой мысли второй половины XIX – начала XX в.

Правовой позитивизм и марксистская философия права не претерпели принципиальных изменений, их последователи до настоящего времени сохраняют свои позиции, хотя авторитет этих направлений (особенно марксистского) в последние годы снижается. Нужно также упомянуть чрезвычайно популярного в свое время Р. Иеринга, взгляды которого можно охарактеризовать как промежуточные между позитивизмом и марксизмом. Он не признает произвольного характера правотворчества «политически высших». По его утверждению, «жизнь права есть борьба», право рождается в противоборстве различных социальных групп и защищает их интересы. Однако до построения иерархии этих интересов и понимания их экономической основы Р. Иеринг не поднимается.

Современные исследователи вновь обращаются к естественно-правовой модели философского дискурса. О ее прежнем господстве в философском исследовании права не может быть и речи, однако на рубеже XIX–XX вв. теории естественного права отчасти удается восстановить потерянный авторитет. Для этого ей пришлось подвергнуться серьезной трансформации. Под градом критических стрел, выпущенных, в частности, сторонниками исторической школы права, юснатуралисты восприняли некоторые их идеи. Так возникла теория естественного права с меняющимся содержанием (или эволюционного). Ее последователи признали историчность, изменчивость естественного права. Произошел отказ от понимания естественного права как некоего кодекса раз и навсегда установленных правил с определенным содержанием. Вместо этого вводится формальный критерий соответствия позитивного права естественному. Первый шаг в направлении такой трактовки естественного права делает Р. Штаммлер. Он указывает, что содержание права никогда не может обладать общезначимым характером. В частности, его нельзя вывести из человеческой природы, ибо все рассуждения о ней сводятся в конечном счете к ссылке на присущий каждому эгоизм. Р. Штаммлер подчеркивает, что, для того чтобы определить право, необходимо отвлечься от его содержания. Критерий разграничения права и неправа должен иметь формальный характер. Для ученого таким критерием выступает соотношение власти и установ-

ливаемой ею нормы. Если норма не предполагает для носителя власти никаких обязанностей, если он не считает себя связанным ею, речь идет о произволе. Если же смысл нормы таков, что и власть обязана ей повиноваться (по крайней мере, пока норма не отменена с соблюдением установленного порядка), значит, мы имеем дело с правовой нормой.

Разнообразие современных естественно-правовых учений велико. Ранее теоретики естественного права расходились в определении метафизических основ подлинного права, однако насчет содержания естественно-правовых норм философы Нового времени пребывали в относительном согласии. Теперь же, практически отказавшись от анализа содержательной стороны права при возросшей дифференциации в понимании его формальных критериев, юснатурализм превратился в пестрый конгломерат слабо связанных теорий. В качестве таких критериев предлагалось принять нравственность (Й. Месснер, В. Кербер, Ж. Дабен), справедливость (Ф. Жени, Г. Радбрух, Х. М. Родригес Панагуа, К. Бринкман, Э. Шпрангер), признание и защиту достоинства человеческой личности (Ж. Маритен, А. Ауэр) или базовых потребностей человека как биологического существа (Г. Райнер), соответствие некоей вечной «природе вещей» (Р. Марчич) или способствующим выживанию культурным константам (М. Мид, М. Эдель, А. Эдель) и т. д. Мало того, не только содержание, но и само понятие естественного права многими авторами мыслится как историчное и способное утвердиться надолго, лишь превратившись в идеологию.

В рамках каждого из названных направлений сосуществуют различные варианты, сами направления нередко исключают друг друга. Так, в пику и своим современникам (Г. Еллинеку, В. С. Соловьеву, Е. Н. Трубецкому), и более поздним авторам основоположник теории эволюционного естественного права Р. Штаммлер прямо отрицал обязательный нравственный характер права. Различны и общеправовые основы естественно-правовых построений. Соответствующая проблематика разрабатывается католическими и протестантскими авторами, неогегельянами и неокантианцами, экзистенциалистами и представителями философской антропологии.

Вне всякого сомнения, современная естественно-правовая теория ушла далеко вперед по сравнению с классическими образцами. Это касается, в частности, отношения к позитивному праву. Деклариру-

ется, что времена его третирования, трактовки как права «второй свежести» и прямого отрицания по мотивам несоответствия естественному праву остались в прошлом. Требование непосредственного применения естественного права, например судом, снимается. В правовом государстве единственной основой правопорядка должен быть закон. Естественное право «не должно служить идеальной заплатой на дырявом материальном плаще положительного права». Но это – в теории. В действительности же двусмысленность в подходе к позитивному праву сохраняется (да она и не может быть изжита до конца в рамках теории, отправной точкой которой является жесткое разграничение права и закона). Эта двусмысленность хорошо передается высказыванием Э. Цахера: «Естественное право – это еще не право, а право без естественного права – это уже не право». Сохраняются и другие «родовые» недостатки юснатурализма. Их можно свести к следующим основным моментам.

1. Неопределенность и, более того, противоречивость предлагаемых критериев естественного права, о чем (разумеется, применительно к ранним концепциям) подробно говорил уже И. Бентам. Так, в качестве подобных критериев сегодня чаще всего предлагаются мораль и справедливость. Однако христианская мораль выше справедливости ставит прощение и милосердие. Требование сохранения человеческого достоинства вполне может войти в противоречие с требованием удовлетворения базовых (по природе своей биологических) потребностей индивида. Конфликт между свободой и равенством был показан еще А. де Токвилем и т. д. Названные (и многие другие) противоречия не позволяют рассматривать современные естественно-правовые теории как взаимодополняющие, они, скорее, исключают друг друга. Такое многообразие подходов, «уравнивание в правах» противоречащих друг другу концепций приводит к тому, что критериев естественного права оказывается столько же, сколько и занимающихся проблемой исследователей. Даже некоего минимального согласия относительно сути естественного права (хотя бы в глазах философско-правового сообщества) достичь не удастся.

2. Метафизический характер обоснования естественного права, неизбежно вытекающий из тезиса о его «первородстве» по сравнению с законом. Последний мыслится как нечто земное (и даже слишком земное!), нечто постороннее, укорененное в конкретных экономических, социальных, политических интересах людей. Право

же, чтобы возвыситься над этими интересами, должно опереться на высшие, потусторонние, выходящие за пределы опыта ценности. Для религиозного сознания такой ценностью является, разумеется, Бог. Поэтому для всех теологически окрашенных концепций естественного права решение вопроса о его основе и источнике не представляет никакой трудности: оно прямо или опосредовано исходит от Творца. Проблема, однако, заключается в том, что такое решение в принципе не верифицируемо. Исчерпывающим образом по этому поводу высказывается Г. Кельзен: «Утверждение о том, что Бог через природу (или как-то иначе) повелевает людям вести себя определенным образом, есть метафизическое допущение, которое не может быть принято наукой вообще и правоведением в частности, потому что предметом научного познания не может быть явление, о котором говорится, что оно существует за пределами всякого возможного опыта». Здесь можно было бы возразить немецкому исследователю, указать на то, что философия вообще и философия права в частности не наука, но равноправная ей форма общественного сознания, в которой определенная доля метафизики не только допустима, но и неизбежна. Однако есть и другое обстоятельство: в современном социуме (по крайней мере, в пределах западной цивилизации) сегодня преобладает иррелигиозное восприятие мира. Для него ссылки на божественный авторитет для обоснования чего бы то ни было просто неубедительны, и утвердить здание естественного права на столь зыбкой основе вряд ли возможно.

Небесспорны и отсылки к таким традиционным для естественно-правового мышления категориям, как справедливость, свобода, права человека и т. п. Они представляют собой скрытую форму европоцентризма, ибо отнюдь не для всех культур указанные ценности являются приоритетными. «Выпячивание» прав индивида, в том числе в ущерб интересам общества и государства, – феномен сугубо западный. За пределами европейского культурного ареала либерализм не находит для себя сколько-нибудь плодородной почвы. Понятие «права человека» серьезно дискредитировано, ссылки на него давно уже стали идеологическим прикрытием для действий ведущих «геополитических игроков». На Западе в качестве неотъемлемого элемента справедливого общественного устройства рассматривается равенство. Индуистская цивилизация, ценности которой разделяют более одной шестой жителей Земли, исходит из справедливости и **естественности** жестко закрепленного неравенства.

Кроме того, даже в пределах **одного** общества достичь согласия относительно смысла предлагаемых критериев «естественности» права невозможно. По словам незаслуженно забытого отечественного философа права М. А. Рейснера, каждый класс создает свою мерку справедливости и свое право (соответственно, и свои представления о естественном праве). Марксисты совершенно правы, указывая, что мораль, справедливость, достоинство личности и т. д. – классово окрашенные феномены. Свои оттенки в эту палитру добавляет этническая, конфессиональная, сословная, профессиональная, образовательная дифференциация общества.

Итак, правовая мысль XX в. характеризуется большим разнообразием. Анализ всех ее течений требует специального исследования. К тому же в теории и философии права постоянно возникают новые направления (так, школа критических правовых исследований отсчитывает свою историю с 1977 г., правовой полицентризм – с 1992 г. и т. д.). Для того чтобы проиллюстрировать тезис о богатстве и разнообразии философско-правовых исканий современности, необходимо подробно рассмотреть некоторые из существующих концепций.

В завершение нужно упомянуть сравнительно новое направление в философском осмыслении права – правовой полицентризм. Он стал реакцией на набирающий силу правовой плюрализм. Американская исследовательница С. Э. Мэрри определяет его как ситуацию, «при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле». С переходом от аграрного (как правило, относительно гомогенного) к индустриальному и тем более к постиндустриальному обществу степень правовой «плюрализации» возрастает. Крупнейший исследователь проблем постиндустриализма Э. Гоффлер указывает, что порождаемая информационным обществом крайне сложная, мозаичная структура экономики приводит к раздроблению на отдельные островки политической и правовой сфер общества. Правовой плюрализм характерен практически для любого современного социума и повсеместно чреват серьезными конфликтами.

Важность проблем правового плюрализма, включенных в более широкий контекст плюрализма культурного, хорошо осознается большинством государств. В качестве основы их решения предлагается использовать различные варианты идеологии мультикультурализма, к которым относится и правовой полицентризм. Это направление возникло в начале 1990-х гг. Его представители постулируют

принципы неуниверсальности права и неуниверсальности принципов внутри правовой системы. Выработать единую систему моральных и правовых принципов для разрешения человеческих конфликтов невозможно. Попытки реализовать такую систему с опорой на принуждение крайне опасны. Соответствующие теории пропитаны идеологией и искажают социальную действительность. Практика же сводится к подавлению различий и тирании. Различные группы являются носителями различных ценностей. Основная проблема, которую надлежит решать философии права сегодня, – проблема налаживания отношений между группами, придерживающимися различных поведенческих, в том числе правовых, стандартов. Однако результаты пока скромные. Признание и защита культурного разнообразия (что и составляет суть политики мультикультурализма) неизбежно ведут к созданию новых культурных групп и соответствующих им границ, а равно к консервации уже существующих. Кроме того, чем активнее муссируется тема культурной чуждости, межцивилизационного столкновения (или «диалога»), тем теснее участники подобного дискурса, будь то «коренные» жители или мигранты, представители доминирующей культуры или «меньшинства», соотносят собственное поведение с фактором этногрупповой принадлежности. Не стоит также забывать о таких негативных последствиях реальной политики мультикультурализма, как «разрыхление» гражданской нации, этнопредпринимательство, практика «позитивной дискриминации», коммерциализация «национального своеобразия» и т. д.

На основании произведенного анализа можно констатировать, что все философско-правовые направления обращаются (прямо или косвенно, желая или не желая того) к фиксации социальных оснований права. В качестве таких оснований в ходе развития правовой философии попеременно выступают: социальные роли личности, формы и процедуры социальных взаимодействий; традиции, социальные интересы, наконец, спонтанно складывающийся порядок общественных отношений. Все рассмотренные концепции адекватно отражают различные аспекты социальной заданности права, при этом уделяют гипертрофированное внимание тому или иному из этих аспектов. Выбор точки зрения, методологии исследования и соответствующая им расстановка акцентов зависят от тех задач, которые ставит перед собой тот или иной специалист в области правоповедения.

Вопросы для обсуждения и контроля

1. Почему именно с возникновением теории естественного права мы связываем возникновение философии права как таковой?
2. Какова исходная, сущностная идея, лежащая в основе любой естественно-правовой концепции?
3. В чем состоит принципиальное отличие теории исторического естественного права от ее классических образцов?
4. Подумайте, связаны ли между собой философский и юридический позитивизм.
5. Почему именно позитивистское определение права должно стать базовым при изучении юриспруденции?
6. В чем суть теории «чистого права» Г. Кельзена?
7. Насколько актуален марксистский подход к праву в современный период?
8. Действительно ли влияние экономики на правовую жизнь является определяющим? Приведите факты за и против этого утверждения.
9. В чем вы видите плюсы и минусы социологического правового понимания?
10. Охарактеризуйте основные направления философии права XX–XXI вв.

Рекомендуемая литература

1. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 416 с. – ISBN 5-86004-166-7. – Текст : непосредственный.
2. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс // Избранные произведения : в 2 томах – Москва : Мысль, 1964. – Т. 2. – 747 с. – Текст : непосредственный.
3. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – Москва : Ладомир, 1994. – 868 с. – ISBN 5-86218-149-0. – Текст : непосредственный.
4. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 30 томах – Изд. 2-е. – Москва : Госполитиздат, 1954. – Т. 1. – 699 с. – Текст : непосредственный.
5. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 835 с. – ISBN 978-5-91768-028-6. – Текст : непосредственный.

6. Новгородцев, П. И. Введение в философию права: кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – Москва : Наука, 1996. – 269 с. – ISBN 5-02-013247-0. – Текст : непосредственный.

7. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты. – Москва : Наука, 1969. – 704 с. – Текст : непосредственный.

8. Синха, Сурия Пракаш. Юриспруденция. Философия права : учебное пособие / Сурия Пракаш Синха. – Москва : Академия ; Будапешт : COLPI, 1996. – 301 с. – ISBN 5-7695-0090-5. – Текст : непосредственный.

9. Хеффе, О. Политика, право, справедливость: основоположения критической философии права и государства / О. Хеффе. – Москва : Гнозис, 1994. – 319 с. – Текст : непосредственный.

10. Чукин, С. Г. Философия : учебник / С. Г. Чукин. – Москва : РЖ «На боевом посту», 2013. – 624 с. – ISBN 978-5-9904872-1-5. – Текст : непосредственный.

11. Чукин, С. Г., Сальников В. П., Балахонский В. В. Философия права : учебник / С. Г. Чукин, В. П. Сальников, В. В. Балахонский. – Москва : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Стремление к упорядочиванию общественной жизни, подчинению этой жизни определенным нормативным системам, выстраиванию социальной иерархии является родовым свойством человека вообще, сущностной характеристикой человеческой природы. Его ярким проявлением выступает способность и стремление человека к созданию политической организации. В широком смысле такая организация – неотъемлемый признак всех человеческих сообществ. В более строгом значении говорить о политике можно лишь применительно к обществам, достигшим стадии цивилизации, имманентными атрибутами которой выступают письменность, городская культура, право и государство.

3.1. Государство как объект философского осмысления

Именно государство является центральным, системообразующим элементом политической системы, основным политическим институтом. Однако подробный анализ государства в данном аспекте – задача, которую решает отнюдь не только философия. Рассмотрение формально-юридического аспекта функционирования политических институтов – прерогатива теории государства и права. На первый план здесь выходят такие понятия, как «форма правления», «форма государственного устройства», «политический режим». В содержательном плане политическое бытие общества анализирует политология.

Единые в своей сущности процессы формирования государственной власти порождают на практике различные, а нередко и противоречащие друг другу политические порядки. Их дифференцирование определяется широким спектром факторов как природных, так и прежде всего социальных. Философия (равно как и теория права) для обозначения такого рода дифференцированных порядков использует обобщающее понятие «политическая культура». Именно о ней (ее отечественном варианте) пойдет речь ниже.

В соответствии с широко известной типологией Г. Алмонда и С. Вербы, политическая культура России традиционно рассматривается как подданническая. Следует наметить два направления

ее анализа: во-первых, речь пойдет о причинах, предопределивших подданныческий характер; во-вторых, необходимо указать на некоторые трансформации российской политической культуры, если еще не приобретенные явного характера, то уже наметившиеся.

Базовым признаком подданныческой политической культуры является острый дефицит активных действий граждан, которые осуществлялись бы в пространстве публичной политики. При этом значительное количество граждан живо интересуется политикой и неплохо в ней ориентируется (но и только). Считается едва ли не хорошим тоном в неформальном общении поругивать власть, указывать на ее ошибки, недальновидность и вообще несостоятельность. Однако разговорами все и ограничивается, ни во что конкретное такая критика не выливается. Более того, любое формальное общение (тем более действие) направлено на безоговорочную поддержку власти. Все распоряжения последней, как правило, безоговорочно выполняются.

Российское общество властечентрично, его культура буквально пропитана этатизмом (превознесением государства, признанием его определяющей роли в общественной жизни). При этом наше государство не вполне аналогично европейскому. Так, Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов указывают, что «в России не возникло ни гражданского общества, ни государства..., ни капитализма. Здесь появилась Самодержавная Власть, единая и неделимая, качественно однородная и по сути единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект)... Власть становится условием существования всех и всего». Формула «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» современниками вождя народов воспринималась буквально и безоговорочно, без всякого намека на позднейшую иронию.

Помимо «власти» в русской истории существуют еще два элемента: популяция – население, полностью утратившее субъектные характеристики, и лишний человек – индивиды и группы, не «перемолотые» властью, поэтому не ставшие (пока) ни ее органом, ни частью популяции. Разумеется, ни о какой их самостоятельности относительно власти не может быть и речи. Даже если (это косвенно признают и сами авторы) данная позиция и чересчур категорична, она отражает некоторые сущностные свойства нашего культурно-исторического типа.

Каким образом русская власть приобрела перечисленные характеристики? Причин множество, но одну стоит рассмотреть подробно. Период становления русского государства, народа, менталитета, культуры в целом хронологически наложился на период существования татаро-монгольского ига. В эту (во многом решающую) эпоху русской истории верховная власть оказалась предельно далека от народа во всех без исключения смыслах: национальном, языковом, религиозном, бытовом, даже географическом. Народ и власть выступали едва не как представители двух различных биологических видов, один из которых стоит выше в пищевой цепочке. Подобная схема «взаимоотношений», чрезвычайно для власти удобная, копировалась и русскими князьями. Она продолжала существовать и развиваться и после ликвидации зависимости от орды.

Как подчеркивает В. А. Подорога, «священное определяется границами, отделяющими его от мирского». Удаленность власти способствовала ее все нарастающей сакрализации (от лат. *sacer* – священный), превращению государства в объект чуть ли не религиозного поклонения. В этом заключается одно из фундаментальных отличий русской культуры от западной. На Западе, начиная, по крайней мере, с эпохи Возрождения, набирают силы процессы десакрализации. Происходит, по известной формуле М. Вебера, «расколдовывание» мира. У нас же благодаря «раздельному» существованию общества и власти последняя остается окруженной ореолом тайны. Отсюда и прогрессирующее выпячивание ее сакрального характера. Речь идет, с одной стороны, о сакрализации буквальной: идеи Москвы – третьего Рима, Святой Руси, характерное для православной традиции восприятие царя как своего рода первосвященника. С другой – (и это, возможно, более важно) сакральный статус власти утверждается вне и независимо от церкви и религии вообще. Правитель занимает в сакральной иерархии мира место рядом с Богом, а то выше него. Здесь уместно процитировать французского философа Р. Жирара: «Подлинное сердце и тайную душу священного составляет насилие». Развивая эту мысль, В. А. Подорога указывает, что государство (власть) постоянно устанавливает систему запретов (предписания, приказы, инструкции, экзамены), которые позволяют расширять сферу контроля над обществом. Государство часто с помощью насилия утверждает контроль над обществом, организуя порядок запретов. Чем больше масштаб и чудовищнее формы

насилия, тем безоговорочней власть утверждается в своем сакральном статусе. Российская власть охотно пользовалась данным средством его подтверждения. Это во многом объясняет и непонятную готовность россиян подчиняться власти. В ее основе лежит элементарный страх быть уничтоженным, раздавленным ею. Он закрепился в культурном геноме россиян и через механизмы социализации передается новым поколениям, отчасти ослабляется, но продолжает жить в каждом из нас.

Типична для России и персонификация власти, влекущая сакрализацию конкретной персоны, более или менее выраженный культ личности. При этом формальные властные полномочия не играют решающей роли. Важнее (реальная или воображаемая) возможность того или иного субъекта власти влиять на ход событий, «вершить судьбы» страны, а то и всего мира.

Все перечисленные характеристики в целом присущи российской политической культуре и на нынешнем этапе ее эволюции. Однако в последние десятилетия казавшаяся ранее незыблемой конструкция начинает ослабевать.

Формулой русской власти долгие годы выступала триада «тайна – насилие – сакральность». Расшатывание одних ее элементов ставит под вопрос и другие. В современную эпоху первым шагом ослабления властной конструкции стала хрущевская «оттепель». Масштаб репрессий резко снизился, одновременно начали приоткрываться некоторые страницы истории. Как следствие, появились люди, относившиеся к власти без священного трепета. Ее мироустроительная функция подверглась сомнению (стишок времен застоя: «Прошла весна, настало лето – спасибо Партии за это...»). Застой сменяется перестройкой. Обозначенная тенденция проявляется теперь неизмеримо полнее, достигая некоего исторического максимума в первое постсоветское десятилетие. Дистанция между обществом и властью заметно сокращается, в действиях власть предержащих не остается почти ничего тайного, государство отчасти не хочет, а отчасти просто не в состоянии осуществлять масштабные и систематические насильственные акции. Сакральность власти ставится под вопрос. «Лихие девяностые» вновь ввергают Россию в очередное «смутное время» (вариантами которого, помимо собственно событий начала XVII в., были, например, феодальная раздробленность XII–XIV вв., на которую наложилось татаро-монгольское нашествие, или период

1917–1921 гг.). Возникла реальная угроза самому существованию самобытной русской цивилизации. Ее удалось отодвинуть в период президентства В. В. Путина. Удачное сочетание ряда внутри- и внешнеполитических факторов и личностных качеств позволило ему укрепить властную вертикаль, восстановить авторитет власти. Однако полномасштабный возврат к прошлому, уже невозможен, что во многом объясняется возникновением принципиально нового медиапространства. Если основные федеральные телеканалы находятся под заметным влиянием государства, то в отношении Интернета складывается иная ситуация. Именно всемирная паутина стала той средой, в которой активнее всего проявляется и аккумулируется недовольство граждан. Новостные ленты, социальные сети, блогеры активно обсуждают промахи и недостатки властей, причем (что невозможно в рамках чисто подданнической культуры) делают это в публичном, открытом пространстве Интернета. Властям не удастся с помощью насилия заставить замолчать недовольных, в том числе, потому что непродуманные действия могут вызвать немедленную и негативную реакцию интернет-сообщества. Если учесть, что в это сообщество вливаются прежде всего наиболее молодые, образованные, состоятельные граждане, его потенциал представляется вполне очевидным. С деятельности власть имущих срывается покров тайны, происходит десакрализация власти.

В свете описанного логичен вывод, сделанный в результате масштабного качественного социологического исследования в рамках проекта «Российская политическая культура». Исследование охватило Москву, Красноярский край, Свердловскую, Ростовскую и Нижегородскую области. Его авторы пришли к однозначному заключению: в российской политической культуре обозначился переход от подданнической культуры к активистской. Последняя, как известно, характеризуется массовой политической активностью граждан, стремящихся влиять на власть в целях реализации своих интересов. Сама власть при этом во многом лишается своего сакрального статуса. Современное российское государство и само в конечном счете заинтересовано в наметившихся трансформациях, реализации давно продекларированных (в том числе Президентом Российской Федерации) ценностей.

Процесс перехода находится лишь в своей начальной стадии, носителями активистской культуры выступает меньшинство россиян. Вероятно, что процесс перехода к ней имеет обратимый характер,

возможны (а отчасти и неизбежны) «рецидивы» подданнических моделей политического поведения. Трансформация культуры – это чрезвычайно сложный, болезненный, затяжной процесс. Для становления и закрепления новых культурных образцов требуются минимум десятилетия. Тем не менее этот процесс начался. Задача прогрессивно мыслящей части социума (прежде всего научного сообщества) – постараться не допустить его преждевременного свертывания. На пути к обозначенной цели мы сталкиваемся с рядом серьезных препятствий, в числе которых – специфика российского гражданского общества.

3.2. Понятие и структура гражданского общества. Особенности становления и развития гражданского общества в России

Рассуждая о гражданском обществе, исследователь должен прежде всего определиться с тем, какое содержание вкладывается в этот термин. В широком понимании гражданское общество представляет собой свободную от государственного контроля сферу деятельности социальных акторов, преследующих свои частные интересы. В этом смысле гражданское общество (наряду с государством) – атрибут любого цивилизованного социума. Даже жесточайшие из тоталитарных режимов не в состоянии (хотя и активно стремятся к этому) полностью разорвать семейные, дружеские, соседские, профессиональные контакты, окончательно «замкнуть» их на государство. Гражданское общество существовало даже при Сталине, Гитлере и Мао Цзэдуне. Существует оно, разумеется, и в современной России.

В узком же понимании гражданское общество – это такой уровень развития названной сферы, который позволяет гражданам активно и успешно отстаивать свои интересы, в том числе перед лицом государства (которое приобретает характеристики правового, демократического и социального), выступать в отношениях с ним как (по меньшей мере) равноправный партнер. Подобное гражданское общество – феномен исключительно западной цивилизации, становление которого завершается лишь в середине XX в.

В России гражданское общество второго типа отсутствует (во всяком случае, как нечто, хоть сколько-нибудь целостное и завершенное). Говорить о том, что оно будет построено в обозримом будущем, также не приходится. Гражданское общество вообще не может быть

сконструировано в результате неких целенаправленных, сознательных усилий кого бы то ни было (здесь нужно вспомнить убедительные критические замечания в адрес «Логики проекта», сформулированные К. Поппером). Развивая его идеи, философ и экономист Ф. А. фон Хайек говорит о выделении двух видов общественных порядков: созданных (made) и возникших (букв. – выросших) (grown). Общественные структуры высокой степени сложности – рыночная экономика, политическая демократия, гражданское общество – не создаются, а возникают в ходе исторического развития как результирующий вектор усилий различных социальных субъектов, пытающихся достичь свои частные цели.

Уникальность западного гражданского общества – следствие сложнейшего комплекса различных факторов, где, например, большую роль сыграли рецепция римского права, соперничество светской и духовной властей в Средневековье, борьба феодальной аристократии и буржуазии, становление представительной демократии и многопартийности в Новое время, «великая депрессия» и неолиберальные реформы в Новейшее и т. д.

В России же названные (либо аналогичные им по значимости и влиянию) факторы на протяжении большей части ее истории отсутствовали. Так, важнейшим фактором, способствующим становлению гражданского общества западного типа, является твердо гарантированная частная собственность и основанный на ней негосударственный сектор экономики. Но в России экономический класс всегда был подчинен политическому: только для последнего (или с его согласия) была возможна масштабная экономическая активность. Исключения лишь подтверждают это правило. Частная собственность носила весьма условный характер и в любой момент могла быть «экспроприрована» для государственных нужд (что неоднократно и происходило). Власть права была ничтожна по сравнению с правами власти. При этом власть и собственность всегда находились (если не юридически, то фактически) в одних и тех же руках, сливаясь в нерасчленимую «власть-собственность». Конкретно-историческими формами подобной системы были, например, государственный феодализм Киевской Руси, государственный же социализм советского периода. В русле этой тенденции эволюционирует современная ситуация. Новейшая российская буржуазия, рекрутировавшаяся в основном из рядов бывшей номенклатуры и теневых дельцов, легко

вписалась в предложенные властями правила. На уровне мелкого и среднего бизнеса она решала (и решает) свои проблемы, «договариваясь» с коррумпированной бюрократией, удовлетворяя с ее помощью свои интересы и полностью игнорируя интересы общественные. Столь же «невнимательна» к нуждам общества оказалась и буржуазия крупная, ставшие притчей во языцех «олигархии». Они также после относительно краткого периода конфронтации с ослабевшей на тот момент государственной властью признали доминирование российской политики над экономикой. В то же время отношения российского бизнеса с некоммерческими организациями носят чаще всего конфликтный характер, идеи «корпоративного гражданства» с трудом пробивают себе дорогу, социальная ответственность бизнеса осознается им слабо, социальные же инвестиции производятся главным образом лишь под давлением властей. Предпринимательский слой не заинтересован в контактах с иными институтами гражданского общества. Это и понятно: если на Западе привлекательный имидж компании в глазах общества – важнейшая часть ее капитала, условие успешного ведения бизнеса, то в России такая успешность практически полностью определяется отношениями с властью, а граждане влияют на него в ничтожно малой степени. Трипартистские институты, столь ЗНАЧИМЫЕ для Запада, у нас существуют лишь формально, нисколько не мешая власти, а в очерченных ею рамках и бизнесу действовать без всякой оглядки на общество.

Важнейшим элементом современного западного социума являются политические партии. Они играют роль связующего элемента между гражданским обществом и государством, в гражданское общество уходят их исторические и социальные корни. Именно партии прежде всего представляют (или, по крайней мере, представляли до недавнего времени) в политическом сообществе общественный интерес. Но в современной России об их реальном весе, влиянии на политический процесс говорить не приходится. Ни одна из партий, возникших на заре новой российской «демократии», не смогла сохранить своих позиции. Правые партии маргинализировались, вытеснены на обочину политической жизни, что стало закономерным итогом негативной оценки инициированных либералами и ввергших страну в глубочайший системный кризис реформ конца XX в. «Системная оппозиция» в лице ЛДПР и «Справедливой России»

исправно голосует так, как того хочет власть. КПРФ – на определенный момент единственная реальная оппозиционная сила – неуклонно теряет своих сторонников, слабеет, как следствие, вынуждена также двигаться в русле проводимой исполнительной властью политики. Это наблюдается не только потому, что коммунистический электорат постепенно уходит из жизни и относительно повышается жизненный уровень россиян. Причина в том, что в свое время КПСС представляла собой (разумеется, с рядом серьезных оговорок) партию тогдашней власти. Этим политическим наследством в полной мере воспользовалась КПРФ. Однако с течением времени коммунисты все менее ассоциировались в массовом сознании с властью, соответственно, падала популярность их партии.

Сегодняшняя же партия власти «Единая Россия» не является партией в классическом (или западном) смысле этого слова (как не была такой и КПСС). Она представляет отнюдь не общество в его отношениях с властью, а напротив – власть в ее отношениях с обществом, выступая одним из инструментов проводимой властями политики и обеспечивая видимость демократического политического дизайна. Иначе говоря, «Единая Россия» – одна из ипостасей российской власти, что и обеспечивает ей поддержку электоральной массы.

Важным звеном в складывании и жизнедеятельности гражданского общества являются религиозные организации. Однако в России церковь в соответствии с восточно-христианской традицией изначально была фактически одним из государственных институтов. Великие князья и цари (Василий Темный, Василий III, Иван Грозный, Алексей Михайлович) активнейшим образом вмешивались в церковные дела, оказывая на их ход решающее влияние. Господствовала заимствованная из Византии концепция симфонии: православный монарх мыслился (и являлся) главой и защитником церкви. Петр I доводит ее до логического завершения, формально-юридически превращая церковь в одно из государственных ведомств.

Реальный противовес власти Русская Православная Церковь представляла лишь в краткий период между 1917 и 1941 гг. Но на этом трагическом отрезке своей истории она противостояла государству лишь в сфере духовной, но объективно была не в состоянии бороться с тоталитарной государственной машиной.

С началом Великой Отечественной войны антагонизм ослабевает, устанавливается (на условиях государства) статус-кво. Начиная с перестройки мощь церкви резко возрастает, но действует она строго в русле проводимой государством политики. Между светскими и духовными лидерами устанавливаются взаимопонимание и поддержка. Данный процесс принимает вполне законченные формы уже при Алексие II и выходит на новый уровень при патриархе Кирилле. Церковь молчаливо, а иногда активно одобряет далеко не бесспорные внутривластные решения, участвует в реализации внешнеполитических планов российского руководства, в обмен на это получает колоссальные материальные ресурсы, благожелательное освещение своей позиции в государственных средствах массовой информации, усиливает присутствие в системе образования. Вспомним, например, беспрецедентный по объему телевизионного времени рассказ о событиях, связанных со сменой Предстоятеля Русской Православной Церкви, нередко обостряющуюся дискуссию о необходимости изучения основ православия в (государственной) школе и т. д. Духовные лица, представляющие иные вероисповедания, в меру своего влияния и возможностей стремятся, как правило, воспроизвести ту же модель отношений с государством.

Приходится сделать вывод, что российские «аналоги» таких важнейших структурных элементов гражданского общества западного типа, как бизнес, политические партии и церковь, отнюдь не способствуют его становлению. Не состоятелен в этом плане и системообразующий элемент этой структуры – массовая общественная активность граждан, зримым выражением которой является деятельность множества самостоятельных, независимых от государства некоммерческих организаций (НКО). Даже те авторы, которые утверждают, что «в России гражданские движения переживают настоящий бум», тут же оговариваются, что их «количественный рост опережает рост качественный. Далеко не все они ориентированы на отстаивание реальных интересов людей». Такая оценка чересчур оптимистична. Куда ближе к реальности мнение, что «в подавляющем своем большинстве эти организации либо выполняют ту же функцию приводного ремня властных структур, что и ассоциации советского времени..., либо же помогают людям выжить или заниматься разного рода специфической деятельностью, не предъявляя практически никаких требований к государству и не претендуя на участие в процессе принятия политических решений». Государ-

ственная риторика в отношении НКО внешне вполне благожелательна, на деле же чиновники на местах отнюдь не жаждут поделиться с кем-либо своими властными полномочиями. Для них НКО имеют смысл лишь как декоративный элемент, свидетельствующий о «современности» нашей политической системы. К тому же дело вовсе не в «желании» или «нежелании» властей. Как уже указывалось, гражданское общество не является продуктом сознательного социального творчества кого бы то ни было, но органично вырастающим в определенных культурно-исторических условиях плодом. В рамках нашего культурно-исторического типа гражданское общество, аналогичное европейскому, просто не могло сложиться. Связанные же с его становлением надежды (которые правильнее было бы назвать иллюзиями) были порождены не столько какими-то процессами в самом российском обществе, сколько глубочайшим кризисом российской государственности, коллапсом власти. Ее относительное «выздоровление» быстро развеяло все иллюзии.

Резкое усиление роли государственной власти имеет и положительные, и отрицательные последствия для общества в целом. Вопрос, однако, не в том, плохо это или хорошо, а в том, была ли такому повороту событий реальная альтернатива. На наш взгляд, ее не было и нет. В обозримом будущем дискуссии о гражданском обществе европейского типа применительно к России останутся бесплодными – по причине отсутствия самого предмета такой дискуссии. «Наше общество, – отмечает по этому поводу И. И. Глебова, – не может функционировать без и вне самодержавной власти. Она скрепляет социум..., задает рамочные условия существования. Роль общества, точнее, народа как политического сообщества, социальной воли – служебная, функциональная». Подчеркнем, что этот факт никоим образом не свидетельствует об ущербности или отсталости России, а лишь о том, что жизнь российской цивилизации подчиняется принципиально иным закономерностям.

3.3. █ Гражданское общество: границы свободы

В данном параграфе речь пойдет о гражданском обществе в узком смысле данного понятия (напомним, что в этом случае под ним понимается высокий уровень развития свободной от государственного контроля сферы деятельности социальных акторов, преследующих свои частные интересы).

Необходимо затронуть одну из граней масштабной проблемы, важность которой в последнее время непрерывно возрастает: определение тех границ, в рамках которых гражданское общество (точнее говоря, его субъекты) могут действовать свободно, не подвергаясь какому бы то ни было давлению как со стороны государства, так и со стороны других субъектов того же гражданского общества. На первый взгляд, эта проблема представляется давно решенной. Во всех учебниках воспроизводится тот принцип, в соответствии с которым функционирует демократический политический режим: что не запрещено законом, то дозволено. В практической плоскости это означает, что индивид или группа могут делать все, что угодно, лишь бы их поведение не попадало под действие прямого правового запрета. Более того, они **имеют право** вести себя именно так, а иные индивиды и группы, равно как и государство, **обязаны** обеспечить им возможность подобного поведения (не создавать для этого препятствий, а в случае государства – устранять такие препятствия, если необходимо).

Однако где именно должны быть проведены границы правомерного поведения? Должны ли они сужаться или расширяться в зависимости от конкретной исторической ситуации? Если должны (а вряд ли кто-то сочтет, например, неоправданным ограничение некоторых (самых по себе бесспорных) прав и свобод в военное время), то какие требования предъявляет к законодателю (и к стоящему за ним социуму) нынешний день? Не следует ли предоставить власти и обществу, исходя из здравого смысла и исторического опыта, возможность неких превентивных мер, ограничивающих потенциально опасную **правомерную** деятельность? С другой стороны – насколько далеко можно зайти в этом направлении? Как оценить и предотвратить тот ущерб, который борьба с врагами свободы может нанести самой этой свободе? Для современных демократий все эти вопросы носят отнюдь не праздный характер.

Среди перечисленных проблем одна заслуживает особого внимания. Колыбель демократии – западная цивилизация – столкнулась с серьезнейшим вызовом со стороны исламского фундаментализма и порождаемого им экстремизма, причем угроза исходит не только извне, но и изнутри, со стороны граждан тех же США, Великобритании, Франции, Германии. В Европе устойчива тенденция подъема правого радикализма. Мировой экономической кризис придавал новый

импульс деятельности левых радикалов всех мастей. Для стран, только стремящихся к устойчивой демократии (или, по крайней мере, декларирующих это), угроза роста экстремизма еще выше.

Очевидно, что экстремизм в различных его формах и видах несовместим с демократическими ценностями. Предоставляя каждому индивиду или группе широчайшие права, демократическая практика подразумевает взаимное уважение этих прав группами и индивидами. Экстремизм же (будь то политический, религиозный или какой-то иной) обычно никаких других точек зрения, кроме собственной, не признает и не уважает. Приверженцы радикализма остро ощущают свою причастность к абсолютной истине, терпимость заведомо не входит в число их достоинств. Более того, они считают себя вправе навязывать свое мнение другим, часто не останавливаясь при этом перед использованием насильственных методов «борьбы». В то же время сами экстремисты охотно пользуются всеми демократическими правами и свободами. Например, радикальные исламисты (там, где их позиции относительно слабы) активно создают собственные политические партии и участвуют в легальной политической деятельности (и избирательном процессе), и это при том что для радикалов от ислама единственной приемлемой формой политического устройства общества является абсолютная теократическая монархия – халифат.

Гражданское общество и его политическая надстройка – правовое демократическое государство – вынуждены защищать себя, используя «симметричный» ответ. Подобно тому как экстремисты прибегают к демократическим механизмам и процедурам, демократическое государство использует административные методы в борьбе с экстремизмом. Власти принимают законы о противодействии экстремизму, запрещают пропаганду экстремистских идей, преследуют участников радикальных организаций.

Необходимость и оправданность перечисленных мер не вызывает никаких сомнений. Вопрос же, как уже было сказано, заключается в том, как далеко демократическая власть может зайти в борьбе с экстремизмом и при этом не поставить под сомнение собственные фундаментальные принципы. Безоглядная борьба с экстремизмом любыми методами крайне опасна для демократии, а без нее невозможно и гражданское общество в заявленном выше смысле.

«Спусковым крючком» дискуссии по рассматриваемой проблеме стало принятие в США в октябре 2001 г. федерального закона под названием USA PATRIOT Act – «Акт, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему». Закон был принят как реакция на события 11 сентября 2001 г. и предоставил американским правоохранительным органам более широкие полномочия для борьбы с терроризмом. В частности, допускается более свободная выдача судебного ордера на «кочующее» прослушивание телефонных разговоров с помощью электронных средств, т. е. такое прослушивание, которое проводится не в отношении конкретно зафиксированного номера телефона, а в отношении разговоров объекта наблюдения со всех телефонных аппаратов при его передвижении. Расширены возможности вести розыск подозреваемых в терроризме личностей оперативным наблюдением за Интернетом путем отслеживания посещений Web-страниц и корреспондентов по электронной переписке, в некоторых случаях (при наличии чрезвычайных обстоятельств) – без ордера, выдаваемого судом лишь с одобрения прокуратуры. Установлена обязанность провайдеров сети предоставлять правоохранительным органам электронные сообщения лиц, подозреваемых в терроризме. Равным образом на провайдеров, телефонные компании или кредитные организации возлагается обязанность без адресованного им судебного ордера о выемке предоставлять государству информацию о потребителе своих услуг, если Федеральное бюро расследований (ФБР) утверждает, что «такая информация требуется для проведения санкционированного расследования международного терроризма».

Большой раздел закона направлен на совершенствование механизма выявления и предупреждения отмывания денег, создания условий в банковской сфере, кредитно-финансовых учреждениях, при которых государство ставится в известность обо всех подозрительных операциях и наделяется полномочиями по выявлению нарушителей, а доносители из кредитно-финансовых учреждений освобождаются от гражданско-правовой ответственности за разглашение данных об операциях. При этом запрещается разглашать факт информирования властей о подозрительной финансовой операции.

Ужесточаются иммиграционная система и порядок въезда в США: создаются усовершенствованные технические системы проверки паспортов на пунктах въезда в страну, разрешена более тща-

тельная проверка кандидата на получение въездной визы на предмет судимостей или преступных связей, устанавливается контроль за лицами, получающими студенческую визу. Генеральный прокурор США уполномочивается заключать под стражу любого иностранца, подозреваемого в террористической деятельности или иной деятельности, угрожающей национальной безопасности Соединенных Штатов, на срок до шести месяцев вплоть до выдворения такого лица из страны.

Основной лейтмотив критики нового закона состоит в том, что он наделяет чересчур широкими полномочиями правоохранные и разведывательные органы государства, приводимыми в действие по их усмотрению, что такие полномочия могут быть пущены в ход против граждан, не связанных с терроризмом, просто для установления более тщательного контроля над обществом в ущерб конституционным правам и свободам граждан США. На фоне массового использования Интернета и электронной почты критики закона отмечают, что новые полномочия правоохранных органов по оперативному наблюдению за Интернетом с помощью ряда специально разработанных программных продуктов могут быть использованы не только для выявления преступлений и преступников, но и в целях контроля за информационными потоками и неоправданного вторжения в частную жизнь граждан. Если при отслеживании телефонных разговоров и номеров абонентов посредством специальных определителей содержание разговора не прослушивается и не фиксируется, то определение пользователя электронной почтой, его электронного адреса невозможно без ознакомления с содержанием сообщения: информация в сети появляется в неразрывном «пакете». Кроме того, использовавшаяся ФБР система «Carnivore» позволяет «зацеплять» и сообщения лиц, не являющихся объектами оперативного наблюдения в сети.

В других странах, в том числе в России, возникают аналогичные вопросы к «антиэкстремистскому» законодательству. В связи с этим достаточно вспомнить бурные дискуссии вокруг так называемого «пакета Яровой».

Законодатели путем принятия соответствующих нормативных правовых актов пытаются защитить общество от экстремистов. Но очевидно, что названные и аналогичные им законы и правоприменительная практика объективно ограничивают права и свободы граждан

и в то же время противоречат ценностным основаниям демократии, защищать которые они, вроде бы, и призваны. Одни шаги в этом направлении закономерно влекут за собой другие. Так, в США после принятия Патриотического акта разгорелась дискуссия о возможности применения пыток в отношении подозреваемых в терроризме. Профессор А. Дершович из Гарвардского университета предложил, чтобы вопрос о применении пыток (так же, как и вопрос о прослушивании телефонных разговоров) рассматривался бы в суде, который был бы вправе дать или не дать соответствующую санкцию. Предложение отвергнуто, но сам факт такой постановки вопроса показателен. Де-факто специальные службы во многих странах мира применяют пытки, и значительная часть законопослушных граждан их в этом поддерживает.

Аргументация сторонников противодействия экстремистам «любой ценой» очевидна. «Прозрачность» границ в современном мире резко возросла, террористы получают мощную финансовую поддержку (в том числе от отдельных суверенных государств), они хорошо обучены и организованы. Потенциальная разрушительная мощь террористических атак неимоверно усилилась, и пропорционально этому возросла цена «проигрыша» контртеррористических структур, поэтому последние и нуждаются в дополнительных полномочиях.

Аргументы противников «чрезвычайщины» можно разделить на несколько групп.

1. Необходимость экстраординарных мер нередко бывает иллюзорной, а то и представляет собой сознательную ложь. Люди говорят: «У меня не было выбора» – но на деле подразумевают, что рассмотренные ими альтернативы показались им неприемлемыми. Борьба с экстремизмом в действительности служит каким-либо интересам власть имущих. Предельно четко эту точку зрения формулирует американский исследователь Дж. Стаут: «Политики, ссылающиеся на крайнюю необходимость, обычно враги демократии. Доверять им нельзя». В России оппозиция в том же ключе критиковала «Закон о противодействии экстремистской деятельности», указывая, что его истинная цель – борьба с неудобными властям политическими силами. Отчасти приведенные доводы верны, власти и спецслужбы склонны перестраховываться, «сгущать краски». Однако угроза со стороны экстремистов не выдумка властей. Она носит объективный характер.

2. **Неэффективность чрезвычайных мер.** Например, многие выступают против пыток потому, что допрос под пыткой сплошь и рядом не позволяет получить достоверную информацию. Однако в действительности такая позиция не означает неприятия чрезвычайных мер в принципе, но лишь косвенно указывает на необходимость их совершенствования. Те же меры, которые доказали свою полезность (например, прослушивание без санкции суда телефонных переговоров), выглядят вполне приемлемыми.

3 **Решающим фронтом борьбы с экстремизмом является битва за умы людей. Демократия должна защищаться не только вооруженными, но и (прежде всего) идеологическими методами.** Победа здесь невозможна, «если мы не сможем убедить людей, стоящих перед искушением поддержать террористов, что мы не лицемерим, когда осуждаем угрожающий нам терроризм». Это невозможно, если во имя защиты своей страны от терроризма нарушать права других людей и целых народов. Как указывает М. Олбрайт, «если мы попытаемся обосновать необходимость пыток или позволим использовать данный метод хотя бы даже в исключительных случаях, тогда то же самое сделают и другие... За Америкой закрепится репутация страны, в которой разрешают пытать людей... Разве это в наших интересах? Неужели такая позиция поможет победить терроризм?».

Со всем сказанным выше трудно спорить. Однако при вдумчивом анализе оказывается, что такого рода аргументы представляют собой вариант аргументов второго типа. Разница лишь в том, что речь здесь идет не о тактической неэффективности («пытка недопустима, потому не позволяет получить точную информацию»), а о неэффективности стратегической («пытка недопустима, поскольку ведет к поражению в информационной войне с экстремистами»).

4. Единственными «работающими» аргументами против чрезвычайных методов контроля за экстремистской деятельностью являются **те, которые апеллируют к ценностям.** С одной стороны, речь идет о самоочевидных моральных ценностях: нельзя пытать людей, бросать их по первому подозрению за решетку или «знакомиться» без судебной санкции с их перепиской уже просто потому, что это безнравственно. С другой – имеются в виду ценности демократической политики, в числе которых важнейшее место занимают права и свободы человека и гражданина. Именно они и составляют ядро демократии, рассматриваемой не как **процедура**, а как определенная **культурная модель.** «Спасать» демократию ценой отказа от них – все равно, что разрушать ее.

Не следует забывать, что права и свободы человека отнюдь не являются «естественными» и «неотъемлемыми», как привыкли думать многие граждане, избалованные жизнью в демократическом обществе. Они были завоеваны в длительной и тяжелой борьбе с деспотизмом, оплачены кровью лучших представителей различных народов и, как все историческое, могут быть утрачены. Вряд ли стоит подталкивать власть к их «отъему» посредством бездумного признания борьбы с экстремизмом приоритетной задачей.

Все сказанное вовсе не означает, что перечисленные меры ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы. Иногда они просто необходимы. Но к их использованию нужно относиться с величайшей осторожностью. Они должны носить временный характер и отменяться при ослаблении угроз со стороны экстремистов. Не следует подавать эти меры как важный шаг на пути укрепления гражданского общества и демократии, они способны только ослабить их.

Вопросы для обсуждения и контроля

1. Почему именно государство мы считаем ключевым элементом политической системы общества?

2. Постарайтесь вспомнить из курса теории государства и права основные теории происхождения государства. Повлияло ли изучение философии на ваш выбор в пользу какой-либо из них?

3. Каковы особенности российской политической культуры?

4. Дайте определения понятию «гражданское общество» в широком и узком смысле.

5. Сложилось ли в современной России гражданское общество? Какие факторы влияют (влияли) на процесс его становления?

6. Возможно ли в России гражданское общество западного типа? Нужно ли стремиться к его появлению?

7. В чем заключается проблема определения границ свободы в гражданском обществе?

8. Какие не предусмотренные законодательством меры вы считаете допустимыми и целесообразными для эффективной профилактики экстремизма?

Рекомендуемая литература

1. Глебова, И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность / И. И. Глебова. – Москва : Наука, 2006. – 330 с. – ISBN 5-02-033848-6. – Текст : непосредственный.
2. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с. – ISBN 5-86793-114-5. – Текст : непосредственный.
3. Зевина, О. Г. Об особенностях политической культуры современной России / О. Г. Зевина, Б. И. Макаренко // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 114–131. – ISSN 1026-9487. – Текст : непосредственный.
4. Исаев, Б. А. Политические отношения и политический процесс в современной России / Б. А. Исаев, Н. А. Баранов. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 395 с. – ISBN 978-5-4690-1676-2. – Текст : непосредственный.
5. Олбрайт, М. Религия и мировая политика / М. Олбрайт. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 351 с. – ISBN 978-5-9614-0502-6. – Текст : непосредственный.
6. Перегудов, С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики / С. П. Перегудов // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 139–150. – ISSN 1026-9487. – Текст : непосредственный.
7. Подорога, В. А. По ту сторону священного / В. А. Подорога // Апология политического. – Москва : Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010. – 286 с. – ISBN 978-5- 7598-0737-7. – Текст : непосредственный.
8. Стаут, Дж. Демократия и традиция / Дж. Стаут. – Москва : Территория будущего ; Прогресс-традиция, 2009. – 462 с. – ISBN 5-91129-038-3. – Текст : непосредственный.
9. Хайек, Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек. – Москва : ИРИСЭН, 2006. – 642 с. – ISBN 5-91066-010-1. – Текст : непосредственный.

ГЛАВА 4. ■ ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

Философия техники представляет собой современное направление философии, возникшее как самостоятельное течение только в XIX в. в Германии, России, США. Предметом его исследования являются закономерности возникновения, развития техники, технологии, ее влияние на человека, общество, культуру, природный мир. Интерес философии к технике не случаен. Во все времена техника воздействовала на жизнь человека, но в XIX и особенно в XX в. это становится тотальным. Техника проникла во все сферы профессиональной деятельности человека, стала частью его досуга. Однако ее влияние на человека не является только положительным. Экологический кризис, угроза термоядерной войны, упадок духовности и застой культуры связаны между собой, и техника стала одной из причин всех этих проблем. Философия техники стремится разобраться с такими вопросами, как природа и сущность техники, ее влияние на все остальные сферы деятельности человека, перспективы развития техники.

4.1. ■ Формирование философии техники. ■ Происхождение техники и ее роль в антропосоциогенезе

Термин «техника» имеет греческое происхождение и возникает от слова «*techne*» – обработка дерева как работа строителя или плотника. Римляне использовали слово «*technikus*» для обозначения человека, занимающегося какой-либо практической деятельностью, или учителя какого-либо из искусств. Термин «*Techne*» употреблялся в смысле какого-либо ремесленного дела и одновременно был тесно связан с таким понятием, как знание («*episteme*»).

Новая философская энциклопедия предлагает следующее определение техники: «Техника – исторически развивающаяся совокупность создаваемых людьми средств (орудий, устройств, механизмов и т. п.), которые позволяют людям использовать естественные материалы, явления и процессы для удовлетворения своих потребностей; нередко к технике относят также и те знания и навыки, с помощью которых люди создают и используют эти средства в своей деятельности». По мнению советских и российских ученых, философов техники В. Г. Горохова, В. С. Степина, В. М. Розина техника может

быть понята как «искусственное образование, специально изготовленное человеком (мастером, техником, инженером)», при этом искусственные образования можно разделить на те, что представляют материальные объекты, созданные из природных или синтетических материалов, но существующие по законам природы, и нематериальные объекты, имеющие знаковую сущность, подчиненные законам языковой коммуникации. Техника может пониматься как «инструмент, средство, орудие для удовлетворения потребностей человека, как самостоятельная реальность противостоящая природе и культуре, как особый способ использования природной энергии в интересах человека и, наконец, как технология в широком смысле этого слова».

Роль орудия в качестве наиболее ранней формы техники в развитии человечества была впервые глубоко проанализирована немецким философом Л. Нуаре. В своей работе «Орудие и его значение в историческом развитии человечества» он выдвинул тезис о том, что именно оно послужило началом человеческой истории. По мнению Л. Нуаре, и мышление, и язык возникают вследствие появления и совершенствования орудий. Он утверждал, что названия орудий связаны с теми функциями, которые они выполняют, поэтому, вероятно, первые слова появились как названия каких-либо орудий труда или оружия. Их создание стало стимулом для человеческого творчества. Потребность в тех или иных орудиях у первобытных предков заставляла их изобретать все более новые, а их несовершенство – более совершенные. Человек научился выделять предмет из природы и обращать внимание на его функцию. Например, он видел, как хищники наносят глубокие раны травоядным животным, и отметил, что они это делают благодаря мощным клыкам, имеющим острую форму. Встретив в природе какой-либо заостренный предмет, человек мог использовать его по аналогии с клыком хищника – как орудие. Вывод, который сделал человек: подобное можно изготовить подобным образом. Простое повторение, но для первобытного мышления оно имело большое значение. Затем вступал в силу механизм проб и ошибок, который приводил человека от затруднительной ситуации к решенной. Дальнейшие наблюдения за природой давали новую пищу для размышлений, а суровые условия жизни подталкивали к новым изобретениям. Обнаружив останки умерших животных, разбросанных на земле, первобытный человек мог сделать вывод о том, что предметы могут состоять из частей,

которые можно разбирать и попробовать собирать. Выломав острый коготь из лапы животного, первобытный человек мог использовать его отдельно для каких-либо целей, например, для раскалывания орехов. Соединив острый и тяжелый камень с палкой, он мог изготовить первый топор или копье. Это изобретение уже можно считать не просто подражанием, а чем-то самостоятельным, ведь ни топор, ни копье не встречаются у животных. Наблюдая за обороной рогатого скота с помощью длинных острых рогов, люди поняли, почему хищникам не удается съесть все стадо, почему они несут потери и даже вынуждены отступать. Длина рога была большей, чем длина клыков, которыми хищники могли схватить животное. Установить острый камень на длинную палку – значит, подобно длинным рогам, выиграть расстояние и нанести ущерб нападающему раньше. Для таких выводов и решений человек уже должен был понимать, что послужило причиной произошедшего, а что стало следствием, как создать нужное средство для достижения своей цели. Жизнь животного строго подчинена инстинктам, а его поведение – жесткой причинности. Совсем другое дело человек. Между его волей и действием есть посредник – орудие, которое страдает и берет на себя выполнение желаемой функции. В итоге достижение человеком цели зависит не от природных возможностей его самого, как у животного, а от того, есть ли в его распоряжении достаточные и эффективные средства – орудия. Если животное может достичь только строго определенных целей, то человек способен прыгнуть выше своей головы, создав такие орудия, которые помогут ему достичь ранее не мыслимых целей. Ведя совместную деятельность, людям приходилось обмениваться орудиями и пояснять друг другу, какое именно орудие им нужно, давать им названия, что развивало язык и коммуникацию. Создание орудий – результат наличия разумного мышления. Согласно теории Л. Нуаре, орудия появляются благодаря наличию разума, но он еще слаб, несовершенен и действует интуитивно. Производство орудий становится его учителем, заставляет эволюционировать. Вместе с разумом развивались и человеческие руки. Работа несколько опережает мышление.

Наиболее завершенную форму орудийная теория возникновения человека получила в работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». По мнению автора, важнейшим шагом к возникновению человека была орудийная деятельность,

однако для этого было необходимо возникновение прямохождения. Оно освободило руки человека, которые теперь могли развиваться, упражняясь в создании орудий, и обретать гибкость и сноровку. Рука стала первым живым орудием человека, от него произошли многие другие. Рука человека менялась и становилась все более искусной. Ф. Энгельс обратил внимание на то, что создание человеком техники сплачивало первые человеческие коллективы в один. Взаимовыручка, совместная деятельность, разделение обязанностей в производстве орудий стало своеобразным коллективным «клеем». У людей появляется необходимость сказать что-либо друг другу, поэтому появляется язык. Труд и речь оказали влияние на развитие мозга, а затем он оказал обратное влияние на орудийную деятельность и речь. В результате этого труд становился более сложным и разнообразным. К охоте добавились скотоводство и земледелие, позже ткачество, кузнечное и гончарное дело, судостроение, искусство, наука и т. д. Племена развились в народности, нации, возникли государства, право, политика, экономика, религия. Все эти достижения цивилизации стали возможны благодаря трудовой деятельности человека.

4.2. | Основные идеи инженерной философии техники (Э. Капп, П. К. Энгельмейер, Ф. Дессауэр)

Попытки осуществить философскую рефлексию феномена техники осуществлялись задолго до того, как сформировалась философия техники как самостоятельное направление. Так, Дж. Беркли предлагал видеть в природе мощную машину, а И. Ньютон переносил методы механики на познание природы. Первым философом техники стал немецкий философ Э. Капп, написавший работу «Основания философии техники». История, по его мнению, является результатом взаимодействия человека и природы, а не развертыванием абсолютного духа, как считал Г. Гегель. В ходе этого взаимодействия человек научился реагировать на изменения природы, которые бросали вызов человеческому существованию, о чем также писал британский философ А. Тойнби. Согласно Э. Каппу, человек смог справиться со своей природной зависимостью, создав такие орудия, которые позволили ему преодолеть природную необходимость. В итоге Э. Капп впервые делает вывод о том, что техника несет для человека освобож-

дение от природной необходимости. Большое влияние на Э. Каппа оказал материализм Л. Фейербаха. Он утверждал единство сознания и телесности. Человек существует не только потому, что мыслит, но и мыслит благодаря тому, что существует. Человеческий мозг мыслит не отдельно, ему помогает весь человеческий организм. Например, если у человека болит его тело, это мешает ему думать, отвлекает, когда у него нарушено кровообращение, мозг не получает достаточного количества нужных ему питательных веществ, что приводит к расстройству внимания, утомляемости и возможным ошибкам в мышлении.

Человек, по мнению Э. Каппа, является таким существом, которое не удовлетворено первозданной природой и творчески преобразует ее, делая пригодной для себя. Человек – это творческое существо, которое творит самое себя. В творчестве он переносит свой внутренний мир во внешний, создает технику как внешнее продолжение самого себя, своего организма. Внутренний мир человека, как было сказано выше, – это единство его духа и тела, поэтому формируется принцип «органопроекции». Техника – это проекция органов человека вовне. Среди органов человека особое место занимает рука. Разные ее положения запечатлены в различных орудиях. Так, молот – это сжатая в кулак кисть, а собранные в горсть пальцы – это чаша и т. д. В дальнейшем орудия усложняются, но принцип остается тем же. Два жернова в мельнице – не что иное как два мощных коренных зуба человека. Глаз человека – образец для оптических приборов, ухо – для акустических и т. д. Таким образом, между человеческой органикой и техникой есть необходимая связь. Глаз и лупа, струна и ухо взаимодействуют друг с другом. Недаром говорят, что хорошее оружие должно быть естественным продолжением руки. Подобное взаимодействие помогает совершенствованию и техники, и органов человека. Паровые машины, созданные человеком, должны питаться, у них изнашиваются детали, наступает их смерть – все, как у живого организма. Значение принципа органопроекции возрастает с появлением информационной техники.

Другим известным исследователем в области философии техники был русский ученый, инженер-механик П. К. Энгельмейер. В работе «Теория творчества» он подверг резкой критике учение Э. Каппа об органопроекции. «Капп видит в орудиях бессознательные проекции членов тела... распространение этой идеи на всю область

техники вносило скорее путаницу, как в этом нетрудно убедиться, если спросить: какие органы бессознательно проектированы в колесе, винте, динамо-машине и т. п.? При этом оказывается даже наоборот, что мы очень часто истолковываем органы собственного тела на основании технических познаний. Таким образом, камера-обскура не скопирована с глаза, но по ней объяснен глаз Кеплером и Декартом». Отвечая на вопрос о сущности техники, П. К. Энгельмейер проводит разграничение между наукой и техникой. Наука стремится к истине, а техника – к пользе. Пользой он считает все то, что облегчает человеку движение к намеченной цели. Тем не менее наука и техника, по мнению П. К. Энгельмейера, имеют много общего в своих целях, тесно взаимодействуют, но смотрят в разные стороны. Техника отлична от искусства и морали, которые ориентированы на красоту и добро. Деятельность инженера направлена на борьбу с природой. Техника – это умение правильно воздействовать на природу, получить желаемые явления. Она представляет собой творение человеком материальной культуры.

Человек, по определению П. К. Энгельмейера, есть животное техническое. Он вводит понятие технического мировоззрения. Его нельзя сводить только к материализму, эмпиризму и прагматизму с грубым эгоизмом. Ученый провозглашает ценностную нейтральность техники, которая может служить как добру, так и злу, как красоте, так и безобразию. Все-таки техника имеет некую связь с моралью, поскольку учит человека отвечать за свои поступки. Любой поступок движим волей, которая, с точки зрения ученого, должна быть направлена на истину, красоту, добро и пользу.

Представителем спекулятивно-умозрительной концепции философии техники был немецкий ученый, философ и теолог Ф. Дессауэр. В работе «Душа в сфере техники» он трактует технику как способ бытия человека в этом мире. Техника для Ф. Дессауэра представляет собой процесс продолжения человеком творения, который начал Бог. Таким образом, техника имеет своим истоком потусторонний, трансцендентный мир. Находясь под влиянием философии И. Канта, Ф. Дессауэр углубляет его учение, дополняя три критики И. Канта (критику чистого разума, критику практического разума, критику способности суждения) четвертым видом: критикой технической способности. Именно техника (техническое творчество) соединяет мир феноменов и ноуменов (вещей в себе), которые у И. Канта

остаются разорванными. Сущность техники не в ее материальном воплощении – готовом продукте, не в процессе производства техники, а в акте изобретения. Структура технического творчества включает в себя три компонента: постановку цели, выбор материала и внутреннюю сознательную переработку. Создавая технику, человек должен руководствоваться законами природы как в целеполагании, так и при выборе материалов, из которых будет создаваться техника, но, поскольку законы природы установлены Богом, человек может действовать согласно общему замыслу Божию в рамках единого плана творения. Решения технических проблем изобретатель берет не из своего разума, а из потустороннего мира, некоего царства, где находятся их решения. Хранилище решений технических проблем имеет метафизический характер и сближает подход Ф. Дессауэра с философией Платона и его миром идей. В этом смысле изобретение – это акт встречи с Богом, что придает учению Ф. Дессауэра мистическую окраску.

4.3. | Технократизм как философская концепция и идеология развития общества. Гуманитарная философия техники (Л. Мэмфорд, М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет)

В философии техники необходимо выделить такое узкое направление, как технический детерминизм. Оно «придает технике и технической деятельности абсолютный статус в качестве основания функционирования и развития общества» (Н. М. Аль-Ани). Техника становится единственной причиной, обуславливающей общественную и культурную жизнь (экономику, политику, искусство, философию). В рамках технического детерминизма можно выделить тех философов, которые видят в господстве техники только положительные моменты, и тех, кто отмечает в этом явлении только негативное. Среди первых возникло течение технократизма, что буквально означает «правление техников».

Основоположителем технократизма был американский ученый Т. Веблен. Изучая капиталистическую экономику, он резко противопоставил бизнес и индустрию. Бизнес он оценивает негативно, считая, что его основная цель – деньги, добываемые хищничеством и паразитизмом. Индустрия в противоположность бизнесу направ-

лена на производство товаров, удовлетворение потребностей людей. Высший класс капиталистического общества состоит из крупных бизнесменов, которых Т. Веблен называет «праздными паразитами». Он говорит о том, что эти люди не имеют отношения к производству, а являются собственниками крупных капиталов. Вследствие этого они – стяжатели, эксплуататоры, паразитирующие на остальном обществе, ведущие разгульный образ жизни. На место капиталистов в результате технократической революции должны прийти представители технической интеллигенции. Инженеров и техников нельзя отождествлять не только с бизнесом, но и с рабочими, среди которых есть люди с разными интересами. Именно научно-техническая интеллигенция способна внести прогресс и справедливый порядок в трансформацию капиталистического общества. Революция должна осуществиться посредством забастовки инженеров, после чего капиталисты должны будут сложить свои властные полномочия. В результате удастся победить нищету, безработицу, стяжательство, эксплуатацию, праздную жизнь.

Гуманитарная философия техники формировалась в основном под влиянием представителей философии жизни. Техника трактовалась ими как форма существования человека. Американский философ Л. Мэмфорд опроверг позицию марксистов, считавших первобытные орудия труда главными направляющими человеческой эволюции. Он полагает, что возникновение техники следует относить к более раннему периоду и искать его истоки в психологии людей. Производство символов обгоняло появление первых орудий и могло успешно способствовать технической способности людей. Сначала человек научился управлять своим телом как движимым орудием. Первобытный человек был наделен активным и энергичным мозгом, который мог производить гораздо больше работы, чем требовала просто жизнь в природе на уровне животного. Л. Мэмфорд считает, что истоком техники являются ритуальные действия первобытных людей, танцы и песни. Человек, по мнению ученого, представляет собой самосовершенствующееся животное.

Безусловно, помимо трудовой деятельности, которую Ф. Энгельс признает основополагающей, существуют игры, песни, танцы, религиозные обряды, наконец, война, которые (особенно последняя) могли быть вескими факторами появления техники. Война – самый конкурентный вид человеческой деятельности, она гораздо в боль-

шей степени требует от человека создания новых видов техники и вооружений, а также модернизации уже имеющихся, что происходит и сегодня. Изобретения в военной области активно используются и в гражданской жизни. Ф. Энгельс и К. Маркс изображали человека как трудящееся животное, словно не замечая его агрессивной сущности, стремления к завоеваниям, победам, достижениям, конкуренции и борьбе.

В работе «Техника и цивилизация» Л. Мэмфорд рассуждает именно о психологических основах машинной техники, которые у него первичны по отношению к материальным.

Развитие европейской цивилизации в отношении техники прошло, согласно Л. Мэмфорду, три этапа. Первый этап – с X до середины XVIII в. Здесь человек в основном использовал для своей техники естественные силы природы – силу ветра и воды. В качестве материала для изготовления техники применялось дерево. Между человеком и природой были гармоничные отношения, при которых человек не разрушал природу. Второй этап – со второй половины VIII и до конца XIX в. Л. Мэмфорд назвал «рудниковой цивилизацией». Техника базируется на добыче угля и железа. Для этого времени характерен отход от гармонии с природой и одновременно усиление эксплуатации человека. Это период «дикого» капитализма, при котором рабочие имели низкий уровень оплаты и тяжелые условия труда. Работа велась на поверхности земли в рудниках и глубоко под землей в шахтах. Человек становится простым средством, а техника превращается в самоцель. Третий этап начался с конца XIX в. и длится по настоящее время. Для него характерно освоение электричества и технологии сплавов. Развитие техники ведется на научной основе. Ученый выражает надежду, что на этом этапе будет восстановлена утраченная гармония с природой, а человек освобожден. Технический прогресс должен привести к ликвидации социальных различий и устранить классовое неравенство.

Наиболее оригинальным в технофилософском учении Л. Мэмфорда является его учение о «мегамашине», которое придает его концепции социальное измерение, дополняя антропологическое. Л. Мэмфорд выделяет два вида техники: биотехнику и монотехнику. Первая ориентирована на удовлетворение жизненных потребностей человека. Вторая направлена на экономическую и военную экспансию, а также на материальное насыщение. Монотехника враждебна

как природе, так и человеку. Ее появление впервые зафиксировано Л. Мэмфордом в период ранней цивилизации, где возникла так называемая «мегамашина». Под этим термином он понимает особую социальную организацию, способную за счет эксплуатации населения добиваться выдающихся технических достижений. Возможно, к таким государственным машинам следует относить государства Древнего Египта и Древнего Рима. В число машин нужно включать прежде всего авторитарные социальные организации, где власть находится у узкого круга людей, имеется жесткая иерархическая структура и подчинение членов системы приказам государя, которые воспринимаются как данность и не подлежат обсуждению. Такая машинная организация способна решить великие инженерные задачи: от строительства городов до строительства пирамид и коллизеев. Машина может быть трудовой, военной, бюрократической, но когда в нее входят все компоненты: политический, экономический, военный, бюрократический и авторитарная власть – возникает «мегамашина». Человеческая машина имеет как негативный, так и позитивный смысл. С одной стороны, ей присущи разрушение и принуждение, а с другой – мощная конструктивная деятельность. Философ выделил как древние «мегамашины», так и современные – в форме тоталитарных и авторитарных государств. Для успешного функционирования человеческой машины нужен контроль за передачей знаний, который возлагается на религиозные и образовательные организации. Организации, контролирующие выполнение приказов, – бюрократия, полицейский и военный аппарат.

Экзистенциальный подход к пониманию техники развил немецкий философ М. Хайдеггер. Как и Ф. Дессауэр он выразил отношение к технике как способу бытия человека. Свой философский взгляд на технику М. Хайдеггер сформулировал в работе «Вопрос о технике». Рассуждение он начинает со слов «техника не тоже, что сущность техники... сущность техники не есть что-то техническое... сущностью вещи, согласно старинному учению, называется то, что она есть». М. Хайдеггер говорит о двух подходах к пониманию техники: инструментальном и антропологическом. Согласно первому техника представляет собой инструмент или средство достижения интересов человека. В соответствии со вторым техника есть чисто человеческая деятельность. Однако оба эти подхода немецкий философ считает связанными между собой и недостаточными для понимания

сущности техники. Инструментальный подход является правильным, но для того чтобы понять истину о том, что есть техника, необходимо пойти дальше и понять, что такое инструмент. Для ответа на этот вопрос М. Хайдеггер сводит понятие инструментальности к понятию причинности. Вспоминая Аристотеля, он указывает на четыре рода причин: 1) формальную (форму или образ, который принимает предмет); 2) материальную (материал, из которого сделан предмет); 3) целевую (то, для чего сделан тот или иной предмет); 4) действующую (силу, создающую предмет, например, мастер, изготавливающий технику). Все эти причины объединены одной общей, которую ученый называет поводом, т. е. тем, что приводит вещь в мир, заставляя мастера соединять предметы. Повод влечет за собой присутствие, что обнаруживается в произведении чего-либо, явлении из потаенности небытия в бытие. Открытие потаенного, тайного есть истина. Техника, согласно М. Хайдеггеру, представляет собой способ раскрытия истины. Это не только умение или мастерство, но и знание, а знание приносит ясность, ведет к истине. Техника – вид раскрытия истинного, «поставление» чего-то в наличие. Потаенность бросает человеку вызов, а он стремится раскрыть тайны природы и ведет «поставляющее» производство, которое неизбежно предполагает ответственность за «поставление» техники, риск потерять изначальную связь с истиной.

Другим представителем гуманитарного направления философии техники стал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. В книге «Размышления о технике» он подверг критике мнение о том, что техника возникает как результат удовлетворения человеком своих природных потребностей. Такой подход является неточным, поскольку человек, по его мнению, всегда стремился к излишнему. «Здесь нет, и не может быть двух мнений: человек – это такое животное, которому нужно только излишнее. Техника – это реакция человека на природу или обстоятельства, в результате которой между природным окружением с одной стороны, и человеком – с другой, возникает некий посредник – сверхприрода, или новая природа, настроенная над первичной». Современный и древний человек стремились в равной степени к наслаждениям и удовлетворению минимальных потребностей. Человек, в отличие от животного, изначально не равен себе, он – вечное стремление к чему-то большему. Человек – это проект самого себя в будущее, вечное забегание вперед, где он станет тем,

кем хочет стать. «Техника – это производство избыточного и ныне, и в эпоху палеолита». По мнению испанского философа, человек не может быть доволен простым присутствием в бытии, ему нужны благополучие, избыток, удобная жизнь: «Человек, который окончательно убедился, что он не сможет достичь благополучия, по крайней мере, весьма относительного, и что ему придется ограничиваться простым присутствием в мире, заканчивает самоубийством». Такая позиция является спорной, хотя и не лишенной здравого смысла. Вряд ли можно согласиться с тем, что жители эпохи палеолита или мезолита сразу стремились к излишкам, поэтому создавали технику, а если не получалось, то заканчивали жизнь самоубийством, бросаясь со скалы. Так, если взять одного или двух немецких или испанских философов и поместить их без еды и одежды на необитаемый остров на длительное время, то после месячных скитаний они, наверняка, обрадуются мешочку стареньких сухарей или не очень свежей банке дешевых консервов. Вряд ли пара голодных и измученных европейцев в припадке ненависти выбросит эти скромные дары в море или покончит с жизнью из-за отсутствия привычного или желаемого комфорта. Как и первобытные люди, они будут рады тому малому, что сможет хоть как-то поддержать их жизни, и уже потом, когда смогут постоянно удовлетворять свои потребности в необходимом, подумают о возможности что-либо улучшить. В то же время, преодолев нехватку необходимого, человек не остановился, захотел большего и затем, добиваясь этого, шел все дальше. В XX в. избыточность стала нормой, даже необходимостью в субъективном отношении. Так, потеряв часть крупного состояния, человек мог настолько огорчиться, что действительно сводил счеты с жизнью. Взгляд на благополучие менялся от эпохи к эпохе, был связан с объективными возможностями людей, которые всегда хоть немного мечтали о большем, что собственно стало двигателем прогресса. Иначе общество стояло бы на месте.

В связи с тем что было сказано выше Х. Ортега-и-Гассет обнаружил важную черту техники – сбережение усилий человека. Человек создает технику для того, чтобы не тратить время на заботу о необходимом. Для чего же он его освобождает? Человек хочет заниматься тем, что ему интересно, развивает его богатые творческие способности, ставит перед ним непреодолимые преграды: наукой, искусством, спортом, созданием новой, более совершенной

техники. Техника, таким образом, обладает функцией **освобождения**. Она делает человека свободным от выполнения тяжелого и нетворческого труда по обеспечению своих биологических потребностей.

Важное условие возникновения техники – то, что природа не является абсолютно враждебной по отношению к человеку. Условия существования на Земле вполне пригодны для человека, но в то же время недостаточны для комфортной жизни, поэтому человек должен прилагать усилия и побеждать природу.

Человек обречен на творчество, а техника есть часть этого творчества. Основная миссия, которую она несет, – освобождение человека для того, чтобы он мог быть самим собой, жить по собственному плану. Любопытно, что во времена, когда техника была неразвитой, заботы о необходимом поручались рабам, которые выполняли роль живых «говорящих орудий», как их назвал Аристотель.

Х. Ортега-и-Гассет обратил внимание на тот факт, что на возникновение новой техники влияет наличие желания у людей получать от жизни все больше. Однако мощь современной техники такова, что для богачей наступает период отсутствия желания получить какую-либо еще технику, кроме того обилия, какое они уже имеют. Угасание желания философ считает важной чертой современной эпохи.

Х. Ортега-и-Гассет сделал вывод о том, что техника неодинаково развивается в различных культурах. Одни народы делают большие успехи, а другие – только маленький шаг и после этого долго остаются на одном месте. Так, тибетцы не смогли создать значимой технической цивилизации по той причине, что, будучи глубоко религиозными, мало интересовались проблемами посюсторонней жизни. Буддист не желает жить в этом мире, не хочет его облагораживать или изменять, так как истинное бытие находится за пределами этого мира. Буддисту не требовался автомобиль для передвижения, поскольку для него главные передвижения совершает не тело, а душа в процессе медитации. Буддисту не нужна изысканная пища, в связи с тем что главная пища для него имеет также духовный характер. Данное замечание касается не только тибетских буддистов, но и религиозных народов вообще. Если вспомнить времена европейского средневековья, то и там развитие техники не было прорывным. Считалось, что изобретатели связаны с темными силами, если могут создавать действующие таинственным образом средства. Простому же христианину вовсе не требовалось сущест-

венно улучшать свою жизнь. Как и в случае с буддистом, он должен был в большей степени проявлять заботу о жизни после смерти, а для посюсторонней жизни нужно набраться смирения, быть покорным воле правителя. Крестьянам следовало много работать в поле, обеспечивая достойную жизнь своему феодалу, не имея свободного времени для творческого досуга. Такая жизнь оставляла их в бедности и невежестве. Только с появлением протестантизма, ослабившего роль церкви и подточившего династическую власть, можно говорить об изменении в мировоззрении, способствовавшем появлению ростков капитализма.

Процессы секуляризации и возникновение светских государств привели к появлению нового типа человека, стремящегося бороться за свою жизнь в этом, а не в потустороннем мире. Таким человеком, по мнению испанского философа, стал английский джентльмен. Джентльмен – это человек, который способен следовать своим моральным нормам, сохранять спокойствие и даже улыбку в самые сложные моменты жизни, когда ему угрожает возможная смерть. Он относится к этому, как к игре. Трудности жизни джентльмен воспринимает так же, как спортсмен соревнования, что делает его морально устойчивым, не поддающимся панике. Джентльмен не богатый наследник, не интеллигент, он просто умело и ежедневно ведет борьбу за жизнь, играет честно и по правилам, ему нет смысла обманывать, строить уловки. Он выше жизненных проблем, которые не могут склонить его к нарушению привычных правил. Принцип честной игры работал и для английских промышленников, продукция которых отличалась добротностью, солидностью, надежностью. Джентльмен живет свободной и насыщенной жизнью, властвует над обстоятельствами, а не они над ним, поэтому обречен быть «техником».

4.4. ■ Основные этапы развития техники

Техническое творчество является одним из важнейших видов творческой деятельности человека и значимым аспектом культуры в целом. В своем развитии техника прошла через определенные этапы, можно выделить четыре из них: этап зарождения техники, технику ремесленников, технику машин, информационную технику.

На первом этапе производство и использование техники носило случайный характер. Первобытный дикарь еще не знал о своей способности создавать технику и создавал ее случайно. Например, най-

денная скорлупа могла послужить чашей, а камень или кость – ножом или молотом. Человек еще не обрабатывал используемые им орудия, для этого должно было пройти длительное время. Древнейший человек использовал метод проб и ошибок и случайно находил верное решение. Разновидностей первобытной техники было мало, их создание было простым. Изготавливать первые орудия труда могли все члены первобытной общины. Естественное разделение труда было только между мужчинами и женщинами. Человек относился к технике не как мастер, она расценивалась как часть природы, которая помогает человеку, но может и перестать делать это. Первый этап развития техники был самым длинным, поскольку ее эволюция проходила медленно, и завершился с появлением древних цивилизаций Месопотамии, Древнего Египта, Древней Греции.

На втором этапе появились специальные люди, которые освоили специальные технические действия и занимались только производством техники, – особая профессиональная группа ремесленников. Они воспринимали себя как людей, обладающих особым природным даром мастерить и создавать несложную технику. Ремесленник не был первооткрывателем или изобретателем, он мастерил в строгом соответствии с рецептом, которому учился долгие годы и в который не мог вносить никаких изменений, боясь испортить технику. Мастер следовал обычаю, уходящему в далекое прошлое, поэтому ремесленная техника была полностью закрыта для новшеств. Изменения носят только мелкий характер как вариации в рамках одного направления. Ремесленник – в большей степени производитель техники, чем ее изобретатель, поэтому он ближе к рабочему, чем к инженеру. Технические изделия стали более многочисленными и разнообразными, повысилась их сложность, поэтому понадобились особые люди с особыми навыками. Можно сказать, что развитие техники шло путем дифференциации и специализации. Для ее создания требовалась длительная подготовка мастера, который сначала в течение долгого времени был подмастерьем. Важнейшее отличие ремесленной техники состояло в том, что главным ее двигателем, силой по-прежнему оставался человек, без которого она не могла функционировать. Она все так же была продолжением его руки. Другой существенной чертой ремесленной техники было отсутствие использования в ней научных и теоретических знаний. Ремесленная техника передавалась от отца к сыну,

от мастера к подмастерью через традицию. Овладеть ремеслом можно было только опытным путем: повторять то, что делал мастер. Труд ремесленников счерпал себя в эпоху Возрождения и особенно в Новое время, когда появились первые машины.

Третий этап характеризуется применением машин и научных достижений. Технику создает уже не ремесленник, а инженер, опирающийся не на традицию, а на прикладное естествознание. Все расчеты при создании машин осуществлялись на основе математики, физики и химии. До эпохи Возрождения существовало разграничение между теоретическим и практическим знанием, которое было преодолено в Новое время. Г. Галилей смог заложить основы экспериментального естествознания и дал начало инженерному делу. Научно-техническое знание появилось в творчестве Х. Гюйгенса – изобретателя маятниковых часов с пусковым механизмом. Важнейшее влияние на появление техники машин оказали изобретение ткацкого и печатного станков, паровой машины. Теперь стало ясно, что техника больше не связана тесным образом с конкретным человеком, а есть некая абстрактная способность, которой может пользоваться практически каждый, тем более что машина производит большую часть работы самостоятельно и ей только нужно управлять. Мускульная сила человека заменяется силой пара, электричества, воды и т. д. Связь человека с машиной опосредована природными силами, что усложняет производство машин и требует новой дифференциации, в результате появляется инженер, проектирующий машину, и рабочий, который ею управляет. Инженер перестает быть простым самоучкой или учеником мастера, он проходит обучение в специальной политехнической школе. Итог такой дифференциации – феномен отчуждения, на который впервые обратил свое внимание немецкий философ К. Маркс. Если ремесленник был полноправным собственником того, что сделали его руки, то собственностью рабочего не являлись ни продукты машинного производства, ни сама машина, на которой он работал. Таким образом, труд рабочего становился чуждым ему, переходил в собственность капиталиста. Соответственно, результаты труда оказывались в руках тех, кто не принимал участия в их непосредственном изготовлении, но обогащался за счет этого. Сам рабочий становился простым придатком, управляющим машиной. Другим негативным следствием появления машин стало сокращение числа рабочих на предприятиях. Новые станки были способны

заменить труд нескольких человек, которые подвергались увольнению и обрекались на голодное существование. Это привело к бунтам рабочих, которые изначально направляли свой гнев на сами машины: сжигали и разрушали их.

Четвертым этапом развития техники стала информационная техника. В числе ее существенных признаков можно выделить такие, как:

1. Умные машины заменили не только физические, но и интеллектуальные способности человека.

2. Техника перестает быть продолжением человеческих рук, все больше становится продолжением человеческого мозга.

3. Коммерциализация техники, приводящая к тому, что создается не то, что полезно, а то, на что есть спрос.

4. Углубляется дифференциация функций инженерного персонала, машины начинают принимать участие в создании самих себя, особенно в проектировании и конструировании.

5. Человеческое участие в производстве техники сокращается, инженеры выполняют лишь небольшие задачи, становясь в еще большей степени винтиками машинной системы и деградируя духовно и интеллектуально.

Человек начинает ощущать большую зависимость от техники, невозможность существовать без ее помощи. Он постепенно осознает свою отчужденность по отношению к миру, в котором все работает и без его участия. Это ознаменует переход от антропоцентризма к техноцентризму, где не человек, а машина будет в центре истории.

Темпы развития технического прогресса на стадии информационной техники становятся такими быстрыми, что за ними невозможно уследить, направление ее развития определяется только запросами свободного рынка, что позволяет производить все, что только можно произвести. В результате создается множество техники, вредной для человека.

4.5. ■ Человек и техника в аксиологическом аспекте

Ценностное отношение человека к технике возникло с момента ее появления, однако пристальное внимание этой проблеме уделено сравнительно недавно. Глубокие исследования были проведены Ф. Бэконом, Ж.-Ж. Руссо, К. Марксом, однако их труды носили все же

эпизодический характер по той причине, что техника не доставляла столько хлопот и не вызывала столько опасений, как это происходит сегодня. На базе открытий в науке и при участии современной техники создаются самые разрушительные в истории человека виды оружия: ядерное, химическое, бактериологическое (сейчас говорят о возможном появлении космического, генного, климатического). Накапливание и разработка новых видов вооружения глобального характера угрожает самому существованию человека. Гонка вооружений между ведущими сверхдержавами привела к созданию такого количества только ядерного оружия, что в случае его применения планета распадется на части. Одновременно промышленная техника наносит мощный удар по экологии Земли, что может в перспективе сделать ее непригодной для жизни человека. В результате уже сегодня он должен сделать выбор: взять под контроль производство техники и внедрение вредной человеку и экологии научной продукции или обречь себя на физическое и духовное вымирание. Одним из первых мыслителей, кто глубоко осознал эту проблему, был А. Швейцер. По его мнению, современная техногенная цивилизация утратила жизнеутверждающее мировоззрение. Западноевропейская культура лишилась этического стержня. По сути, европейское общественное сознание стало постсовременным. Оно провозглашает дозволенным и равнозначным буквально все. Нет больше запретного и недопустимого. Это победа свободы над разумом. Отсюда кризис техногенной цивилизации, ее упадок и деградацию пока невозможно остановить. Сначала, с точки зрения А. Швейцера, в сознании человека должен заработать принцип преклонения перед жизнью. Человек должен понять что он – живое существо, живущее среди жизни, иначе он погибнет. Жизнь и ее сохранение должны стать для него лейтмотивом в любой деятельности, высшей идеей в аксиологической пирамиде. Человек – это жизнь, которая хочет жить, а жить она может только среди живого вокруг себя.

В XX в. появились некоторые попытки создать этику науки К. Мергтон предложил ученым такие нормы, как антитрадиционализм, мирской аскетизм, нормы демократического поведения, универсализм (объективность), бескорыстие (ориентацию не на выгоду, а на истину), коллективизм (достижения не личные, а коллективные) и др. Впоследствии они дополнялись тем, что ученому надлежит быть скромным, много работать, но мало печатать. Существуют также кодексы поведе-

ния инженеров, некоторые из которых предписывают проявлять заботу об общественном благополучии, обеспечивать безопасность людей. Здесь, однако, нужно заметить, что попытки инженеров следовать правилам, которые шли вразрез с интересами фирм, где они работали, заканчивались их увольнением, а попытки через суд вернуть себе работу редко имели успех. Законы рынка и свободного предпринимательства блокируют возможность профессиональной ответственности.

Европейская традиция в науке долгое время основывалась на том, что истина и добро тождественны, истина не может навредить человеку, однако события двух мировых войн показали, что этот принцип является заблуждением. Один из создателей атомной бомбы американский физик Р. Оппенгеймер после бомбардировок Японии осознал всю порочность такого тождества. Протест против безответственного создания и применения техники выразил в XX в. немецкий социолог В. Зомбарт, который считал, что перед тем как внедрить новую технику в жизнь, необходимо проанализировать с позиции аксиологии все возможные последствия. Однако попытки ученых внести этические нормы и запреты в науку и технику пока малоэффективны, требуют привлечения сил государств на международном уровне, понимания всеми членами мирового сообщества глубины и важности данного вопроса.

Проблема дегуманизации как результат технического прогресса волновала и А. Эйнштейна, который утверждал необходимость заботы о человеке как должное, лежащее в основе всех технических изобретений. Наука и техника не могут оставаться ценностно-нейтральными и должны быть переосмыслены с позиции интересов человечества.

Сегодня опасными для человека являются некоторые исследования в области генетики (генетически модифицированные продукты, употребление которых может вызвать мутации). Большое значение имеет и проблема клонирования человека.

В вопросе о социальной оценке техники можно выделить три подхода. Первый утверждает ее ценностную нейтральность. Ученые изобретают технику, но применяют ее не они, а другие люди, за которых изобретатели не отвечают. Плоды инженерной мысли могут использоваться как во благо, так и во зло человечеству, но сами ученые здесь не виновны, так будет продолжаться и дальше. Представители второго говорят о том, что техника может быть нейтраль-

ной, если она не имеет военного назначения. Но творец техники, безусловно, отвечает за свое творение, даже если его неправильно поняли и использовали его творчество совсем не так, как он этого ожидал. Согласно третьему техника сама по себе не является нейтральной, она может нести как добро, так и зло независимо от человека, поскольку уже способна самостоятельно развиваться и выбирать направление своего развития.

Русский философ Н. Федоров «оценивает технику как благо или зло, в зависимости от того, каким целям она служит... технические достижения используются для удовлетворения пустых прихотей, истощая природные ресурсы; техника закрепляет и усиливает разнь между людьми (сословиями, народами), военная же техника служит самоистреблению человечества».

Вопросы для обсуждения и контроля

1. Назовите причины возникновения философии техники.
2. Охарактеризуйте взгляды В. Г. Горохова, Л. Нуаре, Ф. Энгельса на природу техники.
3. Объясните принцип «органопроекции» Э. Каппа.
4. В чем заключается критика П. К. Энгельмейером философии Э. Каппа?
5. Перечислите основные идеи инженерной философии техники Ф. Дессауэра.
6. Дайте определение технократизма.
7. Объясните психологическую трактовку техники Л. Мэмфордом.
8. В чем оригинальность учения Л. Мэмфорда о «мегамашине»?
9. Охарактеризуйте сущность экзистенциального подхода к пониманию техники.
10. Перечислите основные этапы исторического развития техники.
11. Какие подходы к социальной оценке техники вы можете назвать?

Рекомендуемая литература

1. Аль-Ани, Н. М. Философия техники: очерки истории и теории : учебное пособие / Н. М. Аль-Ани. – Санкт-Петербург : ООО «А-принт», 2004 – 184 с. – ISBN 5-98278-011-1. – Текст : непосредственный.

2. Виноградова, Н. Л. Философия техники : учебное пособие / Н. Л. Виноградова. – Волгоград : Изд-во ВолгГТУ, 2010. – 68 с. – ISBN 978-5-9948-0481-0. – Текст : непосредственный.

3. Новая философская энциклопедия : в 4 томах. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 4. – 736 с. – ISBN 978-2-244-01119-7. – Текст : непосредственный.

4. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 164–232. – ISSN 0042-8744. – Текст : непосредственный.

4. Философия техники: история и современность / редактор В. М. Розин. – Москва : ИФРАН, 1997. – 283 с. – ISBN 5-201-01931-5. – Текст : непосредственный.

5. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с. – ISBN 5-270-01496-8. – Текст : непосредственный.

7. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер ; с предисл. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Э. Маха. – Изд. 3-е. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 208 с. – ISBN 978-5-397-01015-3. – Текст : непосредственный.

Для заметок

Для заметок

Учебное издание

Евгений Алексеевич **Матвиенко**
Александр Леонидович **Стризов**
Роман Александрович **Кобылкин**
Алексей Николаевич **Гулевский**

Прикладные аспекты философского знания
для сотрудников органов внутренних дел
Российской Федерации

Учебное пособие

Редактор *С. М. Голятина*
Технический редактор *С. А. Пан*
Компьютерная верстка *А. С. Чурсиной*
Дизайн обложки *О. А. Напольских*

Волгоградская академия МВД России.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 03.09.2019. Формат 60X84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 5,75. Усл. печ. л. 5,3.
Тираж 150 экз. Заказ 38.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.